Е II 11929

СПбГУ

СПбГУ

СПбГУ

СПбГУ

РУКОВОДСТВО

КЪ ИЗУЧЕНІЮ

РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ,

содержащее

общія понятія объ Изящныхъ Искусствахъ, теорію Краснорѣчія, Піитику и краткую Исторію Литературы,

составленное

ПРОФЕССОРОМЪ ИМПЕРАТОРСКАГО ЦАРСКОСЕЛЬСКАГО ЛИЦЕЯ И ИМПЕРАТОРСКАГО УЧИЛИЩА ПРАВОВѢДѢНІЯ

Петромъ Георгіевскимъ.

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи И. Глазунова, А. Смирдина и Ком.

1836.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, предсставлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. — Санктпетербургъ, Мая 15 дня, 1836 года.

Цензоръ *А. Никитенко.*

СПбГУ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ТЕОРІЯ КРАСНОРѢЧІЯ.

СПбГУ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ II.

ТЕОРІЯ КРАСНОРѢЧІЯ.

Предварительныя понятія.—Основныя начала Краснорѣчія.—Опредѣленіе Краснорѣчія.—Средства усилить Краснорѣчіе. — Въ какомъ отношеніи полезны правила Краснорѣчія? — Выборъ образцовъ.—Отличіе Краснорѣчія отъ Изящныхъ Искусствъ.—Разность между Краснорѣчіемъ и Поэзіею.—Способности, отличающія истиннаго оратора.—Исторія Краснорѣчія.—Успѣхи Краснорѣчія въ Аѳинской республикѣ.— Успѣхи Краснорѣчія у Римлянъ.— Упадокъ Римскаго Краснорѣчія. — Христіанскіе ораторы западной и восточной Церкви.— Греческіе сочинители правилъ Краснорѣчія.— Римскіе писатели учебныхъ сочиненій, относящихся къ Краснорѣчію. — Раздѣленіе родовъ Краснорѣчія у Древнихъ. — Нынѣшнее раздѣленіе Краснорѣчія. . . . . § 1—31

Стран.

Отдѣленіе I. Повѣствовательное Краснорѣчіе 32

——— II. Учебное Краснорѣчіе 79

ОГПГУ

Стран.
Отдѣленіе III. Орапорское Краснорѣчіе. . . 91
———IV. Разговоры 114
——— V. Письма 118
———VI. Дѣловыя бумаги 125

СПбГУ

ТЕОРІЯ КРАСНОРѢЧІЯ.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ ПОНЯТІЯ.

Cui dubium est, quin sermonem ab ipsa rerum natura geniti protinus homines acceperint? Initium dicendi dedit natura, initium artis, observatio.

Quintilian.

Основныя начала Краснорѣчія.

§ 1. Страсти составляютъ основаніе Краснорѣчія. — Сильное чувствованіе и живое воображеніе для оратора совершенно необходимы; но эти дары зависятъ отъ природы; но, собственно говоря, оратором надобно родиться такъ же, какъ и поэтомъ. Въ самомъ дѣлѣ примѣчено, что даже у самыхъ грубыхъ народовъ вырывались черты, достойныя великихъ ораторовъ. — Поставьте дикаго, рожденнаго съ духомъ патріотизма и независимости и снабженнаго сильнымъ воображеніемъ, въ такое же сопряженіе обстоятельствъ, въ какомъ находился Демосѳенъ; распрогайте его страсти и

дайте свободно излиться душѣ его: въ немъ родятся мысли высокія, сильныя, поражающія, языкъ его будетъ убѣдителенъ; страсти, которыми сердце его преисполнено, разольются въ его рѣчи; и способомъ, почти механическимъ, онъ сообщитъ слушателямъ своимъ то же движеніе, которымъ душа его потрясается — Все различіе между имъ и Демосѳеномъ будетъ состоять только въ томъ, что его мысли будутъ безъ связи, безъ искусства, разсѣяны; его рѣчь будетъ сильна, но отягощена повтореніями, безъ гармоніи, безъ пощады для уха; и дабы принять его впечатлѣніе, надобно или имѣть столько терпѣнія, чтобъ забыть всѣ его недостатки, или быть столько неразборчивымъ, чтобъ ихъ не примѣтить. — Человѣкъ со вкусомъ тонкимъ и нѣжнымъ будетъ восхищаться съ нимъ въ мѣстахъ истинно краснорѣчивыхъ, но, по окончаніи всей рѣчи, онъ скажетъ, что дорого за нихъ заплатилъ. — Итакъ, чтобъ цѣлая рѣчь имѣла свое дѣйствіе, мало къ сему бросить по мѣстамъ искры чувствія и силы; надобно эти мѣста связать съ другими, усилить мысли, поддержать выраженіе выраженіемъ и слово утвердить словомъ — и вотъ чему должно обучаться. — Счастливъ тотъ, кого при-

рода, осыпавъ щедро дарами своими въ колыбели, отдала на воспитаніе Музамъ! Исполненный духа творческаго, воспитанный въ школѣ опыта и науки, онъ чуждъ будетъ всего посредственнаго, и, шествуя по слѣдамъ великихъ геніевъ, удивитъ современниковъ и потомство.

Опредѣленіе Краснорѣчія.

§ 2. Изъ предъидущихъ замѣчаній можно вывести и опредѣленіе Краснорѣчія, подъ которымъ разумѣется даръ потрясать души, переливать въ нихъ свои страсти и сообщать имъ образъ своихъ понятій. — Первое слѣдствіе этого опредѣленія есть то, что обучать Краснорѣчію не можно: ибо не можно обучать — имѣть блистательное воображеніе и сильный умъ. — Но можно обучать, какъ пользоваться этими дарами; можно обучать, если такъ позволено выразиться, какимъ образомъ сіи драгоцѣнные камни, чистое порожденіе природы, очищать отъ ихъ коры, умножать отдѣлкою ихъ сіяніе, и вставлять ихъ въ такомъ мѣстѣ, которое бы умножало ихъ блескъ.

Средства усилить Краснорѣчіе.

§ 3. Краснорѣчіе можно усилить знаніемъ правилъ, чтеніемъ образцовъ и упражненіемъ въ сочиненіяхъ. — Правила Краснорѣчія бываютъ двоякія: одни суть плодъ историческихъ примѣчаній и дѣло памяти, другія суть произведенія философическаго

СПбГУ

духа, ничего не допускающаго безъ причины. — И такъ Краснорѣчіе имѣетъ свою высшую теорію, гдѣ изъясняются изъ природы души тѣ пораженія, которыя мы испытываемъ при словѣ. — Эта теорія была извѣстна Древнимъ и составляла часть ихъ Философіи, называемую нынѣ *Эстетикою*. — Великіе умы древности, оставивъ намъ превосходные образцы, начертали и правила. — Наблюдатели ума человѣческаго, углубляясь въ творенія Древнихъ, замѣчали тѣ способы, чрезъ которые надлежитъ дѣйствовать на сердца и души. — Потребны были вѣка для того, чтобы повѣрить и утвердить подобныя замѣчанія. Отъ Аристотеля до Квинтиліана, отъ Квинтиліана до нашихъ временъ — сколько явилось открытій въ области Изящныхъ наукъ, въ теоріи Краснорѣчія! Эти открытія освящены уже почтеніемъ вѣковъ и согласіемъ народовъ. — Хотя нѣкоторые изъ новѣйшихъ писателей, послѣдуя знаменитымъ предшественникамъ своимъ, въ философической части Краснорѣчія прошли далѣе ихъ; но общіе, открытые ими, законы Краснорѣчія, какъ и всѣхъ Изящныхъ искусствъ, всегда останутся вѣчными. — Самая современная Словесность есть только измѣненіе этихъ общихъ законовъ, завися-

СПбГУ

щее отъ степени образованности, отъ нравовъ и политическаго положенія народовъ въ опредѣленное время.

§ 4. Нужно ли доказывать, сколь необходимо для оратора изученіе своего искусства, или правилъ, относящихся къ выбору предметовъ, ихъ изложенію, къ слогу, различному родамъ и содержанію сочиненій. — Напрасно возстаютъ противъ правилъ мнимые любимцы Музъ, почитающіе уроки, на опытѣ основанные, узами, стѣсняющими геній. — Конечно, истинно высокій талантъ, не зная правилъ, чрезъ одно проницательное наблюденіе природы въ ея дѣйствіяхъ, уже могъ угадать ихъ и исполнять въ точности: ибо они почерпнуты изъ той же самой природы и сообразуются ея законамъ; но эти быстрые успѣхи генія не уничтожаютъ пользы ученія для другихъ; ибо не всѣ геніи. — Правила не стѣсняютъ, но ускоряютъ ходъ нашъ, открывая въ природѣ то, что мы сами съ великимъ бы трудомъ должны были изобрѣтать и приводить въ порядокъ; за нихъ обязаны мы благодарить нашихъ предшественниковъ, которые сократили половину пути нашего. — Самые великіе ораторы углублялись въ исторію своего искусства. — Цицеронъ и Квинтиліанъ на-

Въ какомъ отношеніи полезны правила Краснорѣчія?

СПбГУ

черпали ихъ правила, которымъ донынѣ слѣдуютъ ревностные ихъ почитатели.— Неоспоримо, что правила не могутъ замѣнить отсутствіе генія; но они уравниваютъ путь его, и предостерегаютъ отъ излишнихъ уклоненій и несообразностей.— Цицеронъ замѣчаетъ: если бы одно искусство дѣлало насъ краснорѣчивыми, кто не былъ бы краснорѣчивъ? *Quae ars si eloquentes facere possit, quis esset non eloquens?* De orat. II. 5 ч.

Выборъ образцовъ.

§ 5. Послѣ правилъ должно обращать вниманіе на образцы, которымъ подражаніе требуетъ величайшей осторожности. — Обыкновенный талантъ рабски слѣдуетъ за своимъ писателемъ; необыкновенный избираетъ, совершенствуетъ свой подлинникъ, даетъ ему свой видъ, свои формы, свои краски; одинъ подражаетъ словамъ и оборотамъ, другой *борется*, такъ сказать, въ *духѣ* и *силѣ;* одного произведеніе — нѣчто среднее между неисправнымъ переводомъ и слабымъ сочиненіемъ; другаго трудъ неоспоримо собственное твореніе.

Отличіе Краснорѣчія отъ Изящныхъ искусствъ.

§ 6. Краснорѣчіе не есть *чистое* Изящное искусство, такъ какъ Поэзія, Живопись и Скульптура, но *слитьшенное*, подобно Зодчеству. — Въ немъ изящное подчинено, или, по крайней мѣрѣ, соединено съ полезнымъ.—

Оратор говоритъ разуму и чувствительности, и однимъ разомъ хочетъ увѣрить первый и увлечь другую. — Въ искусствахъ Пластическихъ выраженіе должно быть подчинено изяществу; въ Архитектурѣ изящество должно быть подчинено пользѣ; иначе что́бъ значило изящное зданіе, не соотвѣтствующее назначенной цѣли. — Въ Поэзіи выраженіе составляетъ красоту; хорошо живописать есть первое ея достоинство. — Въ Краснорѣчіи это достоинство занимаетъ уже второе мѣсто, а первое всегда предоставляется разуму; въ немъ изящество и выразительность слога должны быть подчинены истинѣ.

Разность между Краснорѣчіемъ и Поэзіею.

§ 7. Краснорѣчіе и Поэзія, соприкасаясь другъ съ другомъ во многихъ отношеніяхъ, различаются по ихъ предмету, цѣли, качествамъ и роду *генія*, какой онѣ предполагаютъ. — Краснорѣчіе, какъ выраженіе ума, преобладаемаго *волей*, ограничено частною цѣлію: эта цѣль — *воля*, которую оно стремится направить къ дѣятельности нравственной, ученой, или эстетической; но Поэзія, какъ выраженіе ума, преобладаемаго чувствомъ, есть свободное произведеніе дѣятельности духа человѣческаго, не имѣющее цѣли внѣшней, сторонней; она есть сама себѣ цѣль. — Изящный безпорядокъ

Пиндара не имѣлъ бы мѣста у Цицерона; правильное и опредѣленное теченіе слога Демосѳенова считалось бы недостаткомъ въ Омирѣ и Виргиліи.

Способности, отличающія истиннаго оратора.

§ 8. Краснорѣчіе на высокой степени предполагаетъ такія совершенства, которыя не щедро раздѣляетъ природа. — Истинный ораторъ соединяетъ въ себѣ глубокій и проницательный разумъ философа съ воображеніемъ и чувствительностію поэта. — Одинъ разумъ безъ пламеннаго воображенія и чувствительности никого не содѣлаетъ краснорѣчивымъ. — Равномѣрно и одной чувствительности недостаточно для Краснорѣчія. — Надобно, чтобъ всѣ сіи способности выражали собою прекрасное равновѣсіе и плѣнительную гармонію. — Платонъ, знаменитый Греческій философъ, требуетъ отъ оратора, дабы онъ имѣлъ тонкость діалектиковъ, знаніе философовъ, выраженіе, близкое къ поэтическому, голосъ и тѣлодвиженія лучшихъ актеровъ. — Грамматики въ прежнія времена были философы и политики. — Цицеронъ, знаменитый витія, былъ славнымъ правителемъ Рима, обладавшаго вселенною; Бюффонъ, показавшій образецъ рѣдкаго краснорѣчія, былъ глубокимъ испытателемъ природы; Ломоносовъ, отличившійся поэзіею и красотою

слова, обнималъ почти весь кругъ наукъ. — Есть много мужей искусныхъ въ разныхъ родахъ учености; но весьма не много Димосѳеновъ. — Это и побудило Цицерона въ своемъ разсужденіи *de Oratore* сказать, что великіе ораторы составляютъ необычайное явленіе въ свѣтѣ.

§ 9. Гласъ величайшаго оратора, говоритъ Квинтиліанъ, въ началѣ былъ не что иное, какъ невнятное дѣтское лепетаніе, изображавшее свободнымъ словомъ изящное въ томъ видѣ, въ какомъ оно находилось въ природѣ. Но когда Краснорѣчіе приняло выраженія и обороты возвышеннѣе простой рѣчи и показалось въ видѣ искусства, это покрыто неизвѣстностію. — Не нужно возвращаться къ первымъ временамъ свѣта, или изыскивать памятники восточныхъ и египетскихъ древностей, дабы найти начало Краснорѣчія. — Египтяне, невольники собственныхъ предразсудковъ, ложныхъ понятій и обычаевъ, отличались столько изобрѣтательнымъ умомъ, но не имѣли вкуса и чувствительности ко всему великому и изящному. Если у Египтянъ и былъ нѣкоторый родъ Краснорѣчія, то оно сходствовало болѣе съ стихотворствомъ. Тамъ рѣдко народъ собирался для совѣщаній, и одна сила служила средствомъ къ прекращенію

Исторія Краснорѣчія.

СПбГУ

споровъ; а потому искусство ораторское и убѣжденія мало были извѣстны. Но въ исторіи успѣховъ ума человѣческаго достойно замѣчанія, что двѣ возникнувшія республики, Аѳинская и Римская,ославили свѣту рѣдкіе образцы Краснорѣчія. Изъ нѣдръ Аѳинъ и Рима распространялся по лицу земному свѣтъ изящнаго вкуса, еще и понынѣ озаряющій благоустроенные народы. — Искусства воображенія, вкуса, генія ославились благороднымъ наслѣдіемъ отъ свободныхъ Аѳинянъ и Римлянъ.

Успѣхи Краснорѣчія въ Аѳинской республикѣ.

§ 10. Въ древней Греціи только познали сущность истиннаго Краснорѣчія, которое имѣло у нихъ три важнѣйшіе періоды: первый начинается съ героическихъ временъ и продолжается до смерти Перикла; второй отъ Перикла до Александра; третій отъ Александра до упадка свободы. — Между греческими республиками Краснорѣчіемъ славилась *Аѳинская*. Впрочемъ несправедливо думать, чтобы и въ Аѳинахъ вдругъ возникло Краснорѣчіе во всемъ своемъ совершенствѣ. — Въ то время, какъ творенія Омира предославляли блистательнѣйшую эпоху Поэзіи, Исторія не предославляетъ намъ ни одного замѣчательнаго произведенія прозаическаго. По мнѣнію Плутарха, *Писистратъ*, современникъ Солоновъ, первый ото-

Писистратъ.

личился въ искусствѣ ораторскомъ. Предполагать должно, что послѣ Писистрата были и другіе ораторы; но Исторія не упоминаетъ ни объ одномъ изъ нихъ до Пелопонезской войны. *Периклъ*, который умеръ въ началѣ этой войны, превосходными своими талантами возвысилъ Краснорѣчіе на блестящую степень совершенства и силы. — Бывъ философомъ и глубокимъ политикомъ своего времени, онъ умѣлъ дать слову своему такую увлекательность и стремительность, что историки всю политическую силу его приписываютъ болѣе всеувлекающему краснорѣчію. Периклъ.

Въ продолженіе Пелопонезской войны явились ораторы: *Клеонъ*, *Алкивіадъ*, *Критіасъ* и *Терамент*, извѣстнѣйшіе граждане Аѳинскіе. Витійство не было главнымъ ихъ занятіемъ; они не образовались въ училищахъ, но въ собраніяхъ народныхъ. — Такъ какъ сочиненія ихъ не дошли до нашихъ временъ, то о слогѣ ихъ и существовавшемъ иногда вкусѣ судить мы не можемъ. Впрочемъ Цицеронъ объ нихъ говоритъ: *Grandes erant verbis, crebri sententiis, compressione rerum breves, et ob eam ipsam causam interdum subobscuri.* Ораторы, извѣстные по однимъ именамъ.

§ 11. Необыкновенные успѣхи Перикла въ Краснорѣчіи возбудили всеобщее сорев- Сократъ.

нованіе, которому Греція обязана множествомъ людей, извѣстныхъ подъ именемъ *Риторовъ-Софистовъ*, которые вскорѣ послѣ Персидской войны, вдругъ появились во всѣхъ странахъ Греціи. Сколь пагубны были эти люди для нравовъ Греціи, сколь велики и неоцѣнимы ихъ заслуги, оказанныя наукамъ! Краснорѣчіе ихъ было не столь превосходно, какъ удивительна была ихъ готовность къ рѣчи и обиліе. — Изумляться надобно, сколь отважны и предпріимчивы въ семъ случаѣ были *Протагоръ*, *Продикъ*, *Тразимедъ*, а наипаче *Горгіасъ*. — Между прочими правилами худаго вкуса, они научали учениковъ своихъ одну и ту же вещь и утверждать и опровергать. — Увлекательное краснорѣчіе Перикла въ устахъ этихъ людей превратилось въ пустую игру словъ и въ ребяческое искусство говорить много о вещахъ безполезныхъ. — Проникъ сихъ-то Софистовъ вооружился *Сократъ* всею тонкостію Діалектики. Потомъ надлежало явиться Философу *Аристотелю* для исправленія преподаванія Риторики.

Лизій и Исократъ.

§ 12. *Лизій* и *Исократъ*, въ разсужденіи вліянія на Аѳинскую республику и на общественныя дѣла Греціи, были несравненно ниже Перикла; но они весьма много способствовали благопріятному преобразованію въ

языкѣ и краснорѣчіи. — *Исократъ*, славный Риторъ, заслуживший всеобщее уваженіе своихъ современниковъ преподаваніемъ молодымъ согражданамъ правилъ Краснорѣчія, былъ самъ открытелемъ училища, которое въ теченіи 60-ти лѣтъ почиталось славнѣйшимъ во всей Греціи. — Рѣчи, сочиненныя имъ не для публичныхъ дѣлъ, а для сего училища, отличаются пріятностію, плавностію слога, а особливо гармоніею. — Впрочемъ излишняя заботливость о выборѣ звуковъ и фигуральныхъ оборотовъ, дѣлали слогъ рѣчей Исократовыхъ принужденнымъ. — *Pompae magis*, какъ говоритъ Цицеронъ, *et ad voluptatem aurium accommodatum potius, quam ad certamen judiciorum.*

§ 13. Наконецъ является величайшимъ изъ учениковъ Исократовыхъ *Дилосоенъ*, затмившій всѣхъ своихъ предшественниковъ и современниковъ, и по всеобщему одобренію признанный первымъ оратором, такъ какъ Омиръ первымъ поэтомъ. Тщетно природа, какъ бы завидуя славѣ его, отказала ему въ наружныхъ дарованіяхъ: быстрота рѣчей его, приводившая внѣ себя слушателей, не позволяла имъ замѣчать его недостатковъ. — Всѣ чувствовали силу его краснорѣчія, всѣ слѣдовали за нимъ, какъ за орломъ, парящимъ въ высоту, не зная, ка-

Димосоенъ, Эсхинъ и Фокіонъ.

СПбГУ

кимъ образомъ онъ достигъ ея. — *Эсхинъ* и самый *Фокіонъ* не могли противустать ему. Этотъ громъ сражалъ все. Судьба Греціи колебалась между Филиппомъ и Димосѳеномъ по самую смерть его. — Слогъ рѣчей Димосѳеновыхъ, безъ блеска и украшеній, вездѣ силенъ, крапокъ, опрывистъ. — Основательность сужденій, обиліе оживленныхъ и возвышенныхъ мыслей, неоспоримость доказательствъ, особенная сила въ оборотахъ и благородная простота: вотъ достоинства твореній Димосѳеновыхъ.

Димитрій Фалерейскій и упадокъ Краснорѣчія.

§ 14. Владычество Краснорѣчія въ Греціи было не долговременно Самый блистательный его періодъ продолжался около 160-ти лѣтъ. Греція, сдѣлавшись наконецъ позорищемъ взаимныхъ раздоровъ, лишилась почти въ одно время и независимости и краснорѣчія. И на томъ самомъ мѣстѣ, съ котораго Димосѳенъ заставлялъ трепетать враждующихъ Греціи народовъ и ея притѣснителей, предлагались только постыдныя условія. — Риторы и Софисты довершили конецъ истиннаго витійства. Съ *Димитріемъ* же *Фалерейскимъ* совсѣмъ умерло Аттическое краснорѣчіе, и никогда уже не воскресало между Греками. — Димитрій Фалерейскій предпочелъ цвѣтущій слогъ спремительности и силѣ своихъ предшествен-

никовъ: *Delectabat Athenienses*, какъ говоритъ Цицеронъ, *magis, quam inflammabat.*

§ 15. Съ прочими науками и искусствами, Римляне, чрезъ долгое время народъ воинственный и грубый, переняли у Грековъ и Краснорѣчіе, которое у нихъ имѣетъ 4 вѣка: 1) *Золотой*, начинающійся отъ 2-й Пунической войны и продолжающійся до Августа; 2) *Серебреный* — до Траяна; 3) *Мѣдный* до упадка Римской Имперіи; 4) *Желѣзный* до возстановленія наукъ. Римскій языкъ достигъ уже возможнаго совершенства и силы, когда образовались первые ораторы, которымъ и современники и потомство дали это почтенное имя. — Римское Краснорѣчіе, какъ пишетъ Цицеронъ въ книгѣ *de Oratore*, не сдѣлало примѣтныхъ успѣховъ до времени *Катона Цензора* и даже до *Гракховъ*, впрочемъ отличившихся только высокимъ умомъ, который не былъ еще руководимъ искусствомъ и не очищенъ вкусомъ. Пылкость и чувствительность составляли свойство Гракховъ, важность и сила отличали Катона. — Обоихъ Гракховъ и Катона превзошли *Крассъ*, *Антоній* и *Куріонъ*, о коихъ упоминается Цицерономъ; сочиненія же ихъ не дошли до насъ.

Успѣхи Краснорѣчія у Римлянъ.

Катонъ, Гракхи, Крассъ, Антоній и Куріонъ.

§ 16. Но самая блистательная эпоха Латинскаго Краснорѣчія началась съ *Цицеро-*

Цицеронъ и Гортензій.

СПбГУ

полѣ, который чрезъ свои высокія дарованія и обширныя свѣдѣнія, пріобрѣтенныя имъ въ Философіи, Исторіи, Гражданскомъ Правѣ и другихъ знаніяхъ, показалъ въ себѣ неподражаемый образецъ витійства, и ежели не превзошелъ Димосѳена въ силѣ генія, то, по крайней мѣрѣ, всегда оспаривался выше его въ искусствѣ. Когда явился Цицеронъ на поприщѣ ораторскомъ, Гортензій занималъ тамъ первое мѣсто, и былъ называемъ *первенствующимъ въ судныхъ дѣлахъ*. — *Hortensius diu princeps oratorum, aliquando aemulus Ciceronis aestimatus est; novissime, quoad vixit, secundus.* Qvintil. Корнелій Непотъ также говоритъ: *Hortensius diu principatum eloquentiae tenebat.* — Но Гортензій началъ упадать по мѣрѣ того, какъ Цицеронъ возвышался. — Слогъ рѣчей Цицероновыхъ представляетъ свойство генія плодовитѣйшаго, расточающаго свое богатство щедро, но всегда съ цѣлію и благоразумiемъ. — Сей ораторъ особенно умѣлъ трогать и возбуждать нѣжныя страсти. Онъ вездѣ плавенъ, звученъ, цвѣтущъ; никто лучше его не зналъ чистоты, силы употребленія рѣченій, которыя въ его сочиненіяхъ, кажется, получаютъ новое достоинство и красоту.

Цесарь. Въ лучшую эпоху Римскаго Краснорѣчія

замѣчательнѣйшимъ изъ ораторовъ былъ *Юлій Цесарь*, который, среди государственныхъ занятій, трудился надъ очищеніемъ языка своего и украшалъ собою римскую каѳедру.

§ 17. Цвѣтущее время римскаго Краснорѣчія, подобно греческому, продолжалось не болѣе ста шестидесяти лѣтъ отъ взятія Карѳагена, проложившаго путь къ завоеванію извѣстнаго иногда свѣта, до смерти Императора Августа. — Послѣ несчастной кончины первенствующаго оратора Цицерона, Краснорѣчіе примѣтнымъ образомъ начало исходить со степени прежняго своего величія. — Кажется, что съ судьбою этого великаго человѣка сопряжена была судьба республики и краснорѣчія. — Въ послѣдствіи, хотя оно и показывалось иногда въ сильныхъ и блистательныхъ чертахъ; но въ немъ не было уже замѣтно первобытной свободы. Неограниченная власть обладателей Рима заставила иначе изъясняться ораторовъ: надлежало или льстить суетному ихъ самолюбію, или съ крайнею разборчивостію обнаруживать чувства. — Первое заставило выдти изъ предѣловъ благоразумной умѣренности, а другое слишкомъ стѣснило его въ своихъ границахъ. Упадокъ римскаго Краснорѣчія былъ рѣшительнѣе

Упадокъ Римскаго Краснорѣчія.

его успѣховъ. Причины быстраго упадка языка и Краснорѣчія превосходно показалъ сочинитель разговора *de causis corruptae eloquentiae.*

Квинтиліанъ и Плиній младшій.

§ 18. Въ царствованіе Веспасіана и потомъ Траяна, Квинтиліанъ и Плиній младшій еще боролись съ худымъ вкусомъ своего вѣка; и Сенека первый показалъ примѣръ испорченности вкуса въ своихъ сочиненіяхъ, которыя тѣмъ опаснѣе были для подражанія, что прельщали молодыхъ ораторовъ ложнымъ блескомъ украшеній и утонченностію мыслей. Квинтиліанъ напаче отличался чистотою слога и вѣрностію вкуса; и если онъ въ достоинствѣ ораторскомъ не сравнился съ Цицерономъ, то не менѣе его славится мудростію своихъ *ораторскихъ наставленій.* Плиній имѣлъ умъ обширный, обогащенный многими познаніями, и считался извѣстнымъ своего времени ораторомъ; но отрывистый и слишкомъ украшенный слогъ его не можетъ быть образцовымъ и далекъ отъ совершенствъ истиннаго Краснорѣчія. Плиній вездѣ старался выказать свой умъ и богатство воображенія. Сочиненное имъ *Похвальное слово Траяну,* было уже послѣднее усиліе Римскаго Краснорѣчія, которое потомъ совсѣмъ уже измѣнилось.

СПбГУ

§ 19. Четвертое столѣтіе есть великая эпоха первобытной Церкви и золотой вѣкъ Христіанской Литературы. Съ распространеніемъ Евангельскаго свѣта, Краснорѣчіе возникло въ защищеніяхъ вѣры и въ пастырскихъ наставленіяхъ церковныхъ отцевъ. Въ это время въ наукахъ и краснорѣчіи явились блистательные геніи. Сколько краснорѣчивыхъ витій наполняютъ промежутокъ отъ *Св. Аѳанасія* до *Св. Августина*. Вообще высокое превосходство Христіанскаго Краснорѣчія съ IV вѣка, кажется, возрастаетъ по мѣрѣ общаго паденія. Среди самаго постыднаго уничиженія умовъ и силы въ Имперіи, едва не поглощенной набѣгами варваровъ, учители Западной церкви *Лактанцій, Минуцій Феликсъ, Тертулліанъ, Амвросій, Кипріанъ, Св. Августинъ*, и особенно свѣтильники Восточной церкви: *Василій Великій, Григорій Богословъ* и *Іоаннъ Златоустъ* проповѣдуютъ чистѣйшую нравственность, и вмѣстѣ съ тѣмъ поражаютъ высокимъ краснорѣчіемъ. Одинъ ихъ геній возвышается непоколебимо въ клонящейся къ паденію Имперіи. — Они были зодчими сего великаго религіознаго зданія, которое долженствовало заступить мѣсто Римской Имперіи (*).

Христіанскіе ораторы Западной и Восточной церкви.

(*) О ходѣ и постепенномъ усовершенствованіи Христі-

Греческіе сочинители правилъ Краснорѣчія.

§ 20. Изъ древнихъ писателей, сочинившихъ учебныя книги касательно Краснорѣчія, особенно примѣчателенъ *Аристотель*. Онъ первый привелъ въ систему правила витійства и стихотворства и извлекъ ихъ изъ наблюденій надъ твореніями жившихъ до него ораторовъ и поэтовъ. — Риторика его содержится въ *трехъ* книгахъ: въ *первой* говорится о свойствѣ и раздѣленіи Риторики; во *второй* о нравахъ и страстяхъ; въ *третьей* предлагаются правила слога или выраженія и частей, составляющихъ ораторскую рѣчь. Піитика его дошла до насъ не полная, имѣетъ примѣчательныя мысли о началѣ Поэзіи вообще, и не совсѣмъ справедливыя о ея существѣ, что̀ послужило основаніемъ системы Батё; но теорія Драматическихъ сочиненій есть глубокомысленная въ піитикѣ Аристотелевой. Правила, изложенныя Аристотелемъ, будучи утверждены на здравомъ разсудкѣ, содержатъ въ себѣ наилучшее руководство къ Краснорѣчію. Еще и донынѣ ни въ одномъ сочиненіи не написано такъ основательно объ убѣжденіи разума и возбужденіи страстей. Вообще Аристотель особенно старался у-

---

анскаго Краснорѣчія подробнѣе говорится въ исторіи Литературы.

СПбГУ

пвердить Краснорѣчіе на справедливости сужденій и убѣдительности мыслей.

Діонисій Лонгинъ, наставникъ и министръ пальмирской царицы Зиновіи, писалъ сочиненіе о *высокомъ*, которое не все до насъ дошло; и цѣлое разсужденіе его о *страстяхъ*, о коихъ написалъ особенную книжку, потеряно. — Не смотря на то, для насъ довольно еще осталось, чтобъ получить о Лонгинѣ высокія мысли и сожалѣть о потерѣ другихъ его твореній, которыхъ считаютъ до 20-ти, и которыя должны быть твореніями вкуса, учености и краснорѣчія: ибо Лонгинъ въ свое время былъ почитаемъ первѣйшимъ критикомъ. — Его отзывы о сочиненіяхъ, какъ пишетъ философъ Порфирій, ученикъ его, были верховными приговорами, такъ что никто не смѣлъ подать своего голоса о какомъ либо писателѣ прежде Лонгина. Въ изслѣдованіяхъ его о *высокомъ* находимъ правила, какъ дѣйствовать оратору на сердце другаго.

Римскіе писатели учебныхъ сочиненій, относящихся къ Краснорѣчію.

§ 21. *Цицеронъ* сочинилъ: 1) *Libros III de Oratore*, въ коихъ онъ слѣдовалъ методѣ Аристотелевой и изъяснялъ спилемъ Платоновымъ; 2) *Rhetoricam ad Herennium;* 3) *de Inventione;* 4) *de partitione oratoria;* 5) *de optimo genere Oratorum*. *Квинтиліанъ*, знаменитѣйшій римскій классикъ, написалъ *de*

СПбГУ

Institutione Oratoria libros XII. — Воспитаніе Ритора начинаетъ онъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ и предписываетъ, въ чемъ должно состоять первоначальное его ученіе. Онъ непремѣнно требуетъ, чтобъ ораторъ былъ *мужъ благонамѣренный — vir bonus.* Квинтиліанъ началъ усовершать себя въ Краснорѣчіи со вступленія въ должность адвоката. Рѣчи, говоренныя имъ въ судилищахъ, и къ сожалѣнію до насъ недошедшія, доставили ему великую славу. Марціалъ называетъ его славою римскаго дворянства: *gloria romanae, Quintiliane, togae!* Граждане общими просьбами убѣдили его открыть училище краснорѣчія; ему опредѣлено было жалованье изъ общественной казны, какой чести до него никто не былъ удостоенъ. Императоръ поручилъ ему воспитаніе своихъ племянниковъ, и возложилъ на него консульскіе знаки отличія. Вообще въ твореніяхъ Квинтиліана находятся превосходныя правила для родителей и наставниковъ.

Къ учебнымъ же сочиненіямъ касательно Краснорѣчія надлежитъ отнести разговоръ *de causis corruptae eloquentiae.* Одни приписываютъ его Квинтиліану, другіе Тациту. Разговоръ сей не полонъ, во многихъ мѣстахъ есть пропуски, и то, что дошло

до насъ, заставляетъ жалѣть о утраченномъ. Въ немъ представляются четыре лица: любитель стихотворства, любитель краснорѣчія, поноситель древнихъ, въ видѣ человѣка, который въ своихъ мнѣніяхъ показываетъ игру разума, и четвертый *Мессала*, который входитъ при половинѣ разговора, и беретъ сторону двухъ послѣднихъ. Въ то время, когда сей разговоръ сочиненъ, обыкновенно считали при вѣка въ латинской словесности: вѣкъ *Ениія, Акція, Пакувія, Катона Ценсора* и проч., когда языкъ былъ грубъ и нечистъ; вѣкъ *Гракховъ*, которые нѣсколько умѣрили римскую важность пріятностію греческой словесности; наконецъ вѣкъ *Цицероновъ*, къ коему причисляются *Крассъ, Антоній, Цесарь, Гортензій*; вѣкъ этотъ вообще почитали эпохою изящнаго вкуса. — Время же, въ которое писанъ этотъ разговоръ, было временемъ крайней испорченности вкуса, и *Сенека* наиболѣе къ тому способствовалъ отмѣнною новизною своего слога и обольстительною для молодыхъ писателей римскихъ.

Извѣстно, что отрывистый, замысловатый, неровный слогъ Сенеки прельщалъ Римлянъ своею новостію, и сочиненія его имѣли чрезвычайную славу, которая, по

причинѣ оказанныхъ ему Нерономъ милостей и великаго богатства, увеличилась еще болѣе, такъ что сочинитель, желавшій пріобрѣсть извѣстность, долженъ былъ непремѣнно подражать слогу Сенеки.

Раздѣленіе родовъ Краснорѣчія у Древнихъ.

§ 22. *Аристотель, Квинтиліанъ* и другіе древніе риторы раздѣляли Краснорѣчіе на три рода, *genera dicendi:* 1) *Доказательный*, или *Похвальный* (demonstrativum), 2) *Совѣщательный* (deliberativum), и 3) *Судебный* (judiciale). Похвала и порицаніе принадлежатъ къ доказательному. Въ совѣщательномъ подтверждается, или опровергается какое нибудь мнѣніе. Должно ли воевать, или заключить миръ съ Филиппомъ? Димосѳенъ часто изслѣдывалъ вопросъ этотъ на сторонѣ аѳинскомъ. Цѣль судебнаго — защищать, или обвинять кого либо.

Сочиненія, относившіяся къ доказательному роду Краснорѣчія.

§ 23. Къ *доказательному*, или *похвальному* роду Краснорѣчія Древніе относили панегирики и надгробныя слова, которыя у нихъ не были сочиненіями духовными, но свѣтскими, и произносились родственниками умершаго. — Между панегириками древнихъ извѣстны: *Панегирикъ Эвагору, царю саламинскому*, который при малыхъ пособіяхъ совершилъ великія дѣянія, и *похвальное слово Траяну*, младшаго Плинія,

СПбГУ

при нѣкоторыхъ недостаткахъ, замѣчательное тѣмъ, что сочинитель въ похвалѣ своей Государю превозноситъ одну только добродѣтель. — Рѣчь Цицеронова *Pro Marcello* причисляется къ этому же роду Краснорѣчія, хотя она писана совсѣмъ инымъ слогомъ, нежели Плиніевъ Панегирикъ. Въ этой рѣчи приносится благодареніе Цесарю; ея превосходство и красоты тѣмъ удивительнѣе, что ораторъ говорилъ не приготовясь. — Марцеллъ былъ одинъ изъ величайшихъ непріятелей Цесаря; послѣ несчастной Фарсальской битвы удалился онъ въ Митилену, и тамъ, ведя уединенную жизнь, упражнялся въ Словесныхъ наукахъ. — Благодарственная рѣчь, за возвращеніе его произнесенная, преисполнена благородства, чувствительности и любви къ отечеству, такая рѣчь, какую только признательность, дружество и добродѣтель могутъ внушить человѣку духа возвышеннаго. Не льзя читать ее безъ умиленія. — Первая рѣчь Цицеронова *противъ Катилины* принадлежитъ къ другому роду доказательнаго Краснорѣчія, изображающему дѣла, заслуживающія хулу и осужденіе. — Поразительная рѣчь сія, сокрушившая дерзость ужаснаго злодѣя Катилины, внушена негодованіемъ, ненавистію и презрѣніемъ. —

Вторая рѣчь *противъ Антонія* почитается драгоцѣннымъ памятникомъ того же рода Краснорѣчія. — Рѣчь сія, стоившая сочинителю жизни, есть начертанная ужасными красками картина всѣхъ пороковъ, всѣхъ злодѣяній Марка Антонія. — Цицеронъ не говорилъ ее; но она находилась у всѣхъ Римлянъ, и читана была повсюду.

Извѣстныя сочиненія въ родѣ совѣщательномъ.

§ 24. Въ *совѣщательномъ* родѣ Краснорѣчія, гдѣ разсуждается о дѣлахъ общественныхъ, о войнѣ, о мирѣ, о переговорахъ, о пользахъ государства, о всякихъ предметахъ, до законодательства и правленія относящихся, мы не имѣемъ ни одного сочиненія, которое можно бъ было противупоставить Грекамъ и Римлянамъ. — Превосходнѣйшими образцами этого рода Краснорѣчія почитаются рѣчи, говоренныя Демосѳеномъ (*) *противъ Филиппа*, а Цицерономъ *за законъ Манліевъ*, и тѣ рѣчи, въ которыхъ опровергаетъ онъ законъ о *раздѣлѣ земель*. — Сей же родъ Краснорѣчія въ великомъ былъ употребленіи у древнихъ историковъ, и составлялъ главнѣйшее украшеніе ихъ твореній. — Фукидидъ, Ксенофонтъ, Титъ Ливій, Саллюстій, Тацитъ, влагали въ уста прекраснѣйшія рѣчи госу-

(*) Подъ именемъ его дошли 61 полная рѣчь и 70 приступовъ: вѣроятно не всѣ имъ писаны.

СПбГУ

дарственнымъ особамъ, изъ которыхъ многіе оставили послѣ себя рукописныя рѣчи, говоренныя ими въ Сенатѣ, или предъ народомъ, когда разсуждаемо было о дѣлахъ республики. Разность нравовъ и правленій не позволяетъ новѣйшимъ историкамъ употреблять сего рода рѣчи; это обстоятельство есть одна изъ причинъ сухости нашихъ бытописаній.

§ 25. *Судебный* родъ Краснорѣчія заключаетъ въ себѣ дѣла, подлежащія разсмотрѣнію судей. — Этотъ родъ, подобно двумъ прежнимъ, употребляемъ былъ древними совсѣмъ отлично, нежели у насъ. — Наши суды непохожи на суды древнихъ Грековъ и Римлянъ: у насъ частные люди не бываютъ обвинителями; нѣтъ такихъ спорныхъ дѣлъ, которыя вносились бы на рѣшенія народа. — Самое достопамятное дѣло, къ судебному роду относящееся, есть распря *Эсхина* съ *Димосѳеномъ* о вѣнцѣ. — Защитительная рѣчь Димосѳенова почитается превосходнѣйшимъ произведеніемъ судебнаго рода Краснорѣчія. — Но Цицеронъ стяжалъ на этомъ поприщѣ безсмертную и незабвенную славу. Употребленіе судебнаго Краснорѣчія.

§ 26. Хотя сіи три рода Краснорѣчія должны имѣть различныя свойства, по раз-

личному ихъ содержанію; однакожъ, какъ замѣчаетъ Квинтиліанъ, есть качества всѣмъ имъ общія; ибо случается, что ораторъ, разсуждающій о государственномъ дѣлѣ, употребляетъ къ преклоненію слушателей тѣ способы, къ каковымъ прибѣгалъораторъ, защищающій кого либо въ судѣ.

Нынѣшнее раздѣленіе Краснорѣчія.

§ 27. Въ наши времена большая часть литераторовъ, опредѣляя Краснорѣчіе, согласно съ древними, *искусствомъ о всякомъ предметѣ говорить убѣдительно,* раздѣляютъ его на три главныхъ рода. — Первый родъ Краснорѣчія есть *повѣствовательный*, посвященный описанію явленій, съ которыми знакомятъ насъ память, или чувства, въ той мѣрѣ, какъ они заслуживаютъ наше вниманіе. — Такъ какъ важнѣйшій предметъ для насъ во всей внѣшней природѣ есть человѣчество, съ которымъ болѣе всего знакомитъ насъ его развитіе во времени, то всеобщая Исторія будетъ вѣнцемъ всего *повѣствовательнаго* рода. — И въ изложеніи мыслей и въ самомъ порядкѣ словъ, онъ долженъ существенно разниться отъ Краснорѣчія *учебнаго*, которое общую истину водворяетъ въ частныя явленія. — Третій родъ есть *ораторская проза,* которой разительнѣйшее отличіе отъ другихъ

родовъ Краснорѣчія есть то, что она дѣйствуетъ не токмо на теоретическія способности души, но также и на волю. — Это приписывается ораторской рѣчи, не потому, чтобъ другіе роды совершенно не имѣли вліянія на волю, но потому, что вліяніе сіе обнаруживается въ ней предпочтительно.

§ 28. Ораторскія рѣчи также раздѣляются на *учебныя и повѣствовательныя;* потому что на волю могутъ дѣйствовать явленія сколько внутреннія, столько внѣшнія. — Къ первому роду рѣчей относятся, такъ называемыя, *духовныя,* потому что въ нихъ разсматриваются религіозныя, или теоретическія истины въ своемъ примѣненіи къ человѣческой жизни и дѣйствіямъ; къ сему же роду справедливо причисляются рѣчи *каѳедральныя*, или *академическія*, которыя могутъ имѣть на волю рѣшительное дѣйствіе. — Ко второму, т. е. къ рѣчамъ повѣствовательнымъ можно, кажется, отнести *похвальныя слова*, посвящаемыя разсмотрѣнію благихъ свойствъ человѣка извѣстнаго, или даже государства (какъ напр. Аѳинъ въ Панегирикѣ Исократовомъ) съ особеннымъ намѣреніемъ поселить къ нему привязанность, или уваженіе. Раздѣленіе Ораторскихъ рѣчей.

§ 29. Но истинное совершенство Кра- Рѣчи Сенат-

ския, судебныя, народныя и воинскія.

спорѣчія оратерскаго находится тамъ, гдѣ оратеръ хочетъ возбудить одно сильное чувство и произвести одно рѣшительное дѣйствіе. Къ чему одинаково спремятся рѣчи *сенатскія* и *судебныя*, *народныя* и *воинскія*; но онѣ различествуютъ между собою тѣмъ, что однѣ достигаютъ своей цѣли чрезъ убѣжденіе разума, другія болѣе чрезъ возбужденіе спрастей. — Въ совѣщаніяхъ государственныхъ оратеръ преклоняетъ умы на свою сторону точностію доказательствъ и умнымъ изложеніемъ дѣла; но предъ спроемъ воиновъ онъ подчиняетъ себѣ души, возбуждая въ нихъ одну великую мысль, одно геройское желаніе. — Такимъ образомъ, когда Наполеонъ говорилъ египетскимъ воинамъ, что *сорокъ вѣковъ взираютъ на нихъ съ вершины пирамидъ*, это разительное представленіе славы, ихъ ожидающей, безъ доказательствъ побудило ихъ къ подвигамъ.

Средину между пылкостію воинскою и спокойствіемъ сенатской рѣчи занимаетъ у народовъ, самими собою управляемыхъ, Краснорѣчіе *народное*, отъ котораго судебное разнится только тѣмъ, что предметъ его есть настоящая участь частнаго человѣка, тогда какъ предметъ народнаго — благосостояніе цѣлаго общества. — Впро-

СПбГУ

чемъ сіи два вида ораторскихъ рѣчей въ своей теоріи не могутъ быть строго разграничены, и правила одного, съ немногими оттѣнами, можно примѣнять къ другому.

§ 30. Народными рѣчами замыкается вся цѣпь сочиненій прозаическихъ, которой при звѣна первоначальныя суть: Краснорѣчіе *повѣствовательное, учебное* и *ораторское*. — Въ нашихъ частныхъ Риторикахъ причисляются къ этимъ тремъ единственно возможнымъ родамъ прозы: — *Разговоры* и *Письма*. — Но ясно, что они суть не что иное, какъ формы, установляемыя самимъ существомъ предмета. — Разговоръ удобенъ для предмета учебнаго; впрочемъ онъ можетъ служить и для повѣствовательнаго. — Форму письма даютъ разсужденіямъ и Исторіи, какъ наприм. *Lettres sur l'histoire de France*; прокламаціи же, столь употребительныя въ наши времена, доказываютъ, что и письмомъ передаваемое можетъ имѣть дѣйствіе и цѣль рѣчи ораторской. Разговоры, Письма и Дѣловыя бумаги.

И такъ, при разсматриваніи главныхъ видовъ Краснорѣчія, мы будемъ держаться принятаго здѣсь раздѣленія. — Въ концѣ же будутъ предложены правила прозы, употребляемой въ дѣлахъ жизни гражданской, и извѣстной подъ названіемъ *Дѣловыхъ бумагъ*.

СПбГУ

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ПОВѢСТВОВАТЕЛЬНОЕ КРАСНОРѢЧІЕ.

Различіе между повѣствовательнымъ и учебнымъ Краснорѣчіемъ.

§ 31. Историкъ и философъ отличаются тѣмъ, что одинъ занимается отдѣльными случаями и происшествіями жизни, а другой имѣетъ въ виду общую истину; первый имѣетъ предметомъ дѣянія и приключенія людей, второй же умствованія и предположенія. — Но въ обширномъ смыслѣ къ историческому Краснорѣчію относятся повѣствованія объ истинныхъ явленіяхъ физическаго и нравственнаго міра, или исторія природы и исторія рода человѣческаго. — Какъ прежде Картезій, Галилей и столько мужей, послѣдовавшихъ имъ, занимались изъясненіемъ происшествій природы; такъ славные историки Юмъ, Робертсонъ, Гиббонъ, Фергюсонъ и другіе обратили вниманіе на изученіе *человѣка въ обществѣ*, и глубокомысленныя изслѣдованія свои украсили волшебствомъ слога, содѣлавшаго творенія ихъ образцами повѣствовательнаго Краснорѣчія.

Польза историческихъ свѣдѣній.

§ 32. Имѣть свѣдѣнія обо всемъ, происходившемъ прежде насъ, заключается въ самомъ стремленіи нашей природы. Если все человѣчество составляетъ одну и ту

же цѣпь; если тысячи столѣтій показываютъ одно только постепенное раскрытіе жизни человѣчества; то можно ли обойтись когда нибудь безъ знанія прежнихъ происшествій? Изслѣдывая безпрерывно обнаруживающуюся жизнь человѣчества, мы на каждомъ шагу опыта видимъ, какими послѣдствіями сопровождались всѣ дѣйствія свободно-разумныхъ существъ. По этому основательное познаніе всего, что было прежде насъ, служитъ наилучшимъ руководствомъ для человѣка въ томъ, какъ онъ долженъ поступать въ настоящее время.

Что требуется отъ историка?

§ 33. Истина въ происшествіяхъ, ясность въ повѣствованіяхъ, безпристрастіе въ сужденіяхъ: вотъ что разумъ предписываетъ каждому историку. — Но эти обязанности становятся важнѣе для того, кто принялъ на себя должность представить потомству живую, движущуюся, непрестанно измѣняющуюся и часто кровію обагряемую картину своего вѣка. Кто бы ни былъ онъ, потомство не повѣритъ ему безъ свидѣтельства современниковъ. Но какъ можно найти свидѣтелей, достойныхъ довѣрія потомковъ, посреди хаоса мнѣній, въ смѣси выгодъ, которыя въ самыхъ поразительныхъ эпохахъ всемірной Исторіи всегда перемѣняли и скрывали истинный видъ

происшествій? Станешь ли кто держаться стороны побѣдителей? назовутъ льстецомъ. — Будешь ли кто защищать слабость? не станутъ слушать. — Если же не держаться ни той, ни другой стороны; то обѣ противъ возстанутъ. — Въ смутныхъ временахъ истина не имѣетъ друзей, тогда никто не внемлетъ ея голосу. Въ такихъ обстоятельствахъ, что́ остается дѣлать историку? *наблюдать строжайшее безпристрастіе и быть справедливымъ.* Онъ долженъ все взвѣсить и опредѣлить съ точностію, раскрыть добродѣтели, выставить пороки и показать потомкамъ, что посреди заблужденій, посреди броженія умовъ и влеченія страстей, онъ не усомнился слѣдовать строгой истинѣ и здравому разсудку.

Главныя свойства и слогъ повѣствовательныхъ сочиненій.

§ 34. Общія свойства повѣствовательныхъ сочиненій: правильность языка, ясность, краткость, сообразность съ предметомъ, благородство и занимательность разсказа. Слогъ историческій, по большей части, относится къ слогу среднему: умѣренныя украшенія возвышаютъ его предъ простонароднымъ; но онъ рѣдко позволяетъ себѣ великолѣпіе возвышеннаго. Сверхъ того слогъ повѣствованій долженъ быть текущъ, какъ самое время, имъ описываемое: благородная простота должна сообщать

ему видъ искренности. У насъ *Исторія Государства Россійскаго* имѣетъ всѣ совершенства слога историческаго.

§ 35. Явленія и событія нравственнаго міра могутъ быть изображаемы различно, отъ того и происходятъ разные виды повѣствовательныхъ сочиненій. Главныя изъ нихъ: a) *Характеры* (когда они представляются отдѣльно), b) *Лѣтописи*, c) *Прагматическая Исторія*, d) *Философская Исторія* и e) *Вымышленныя повѣствованія*. Раздѣленіе повѣствовательныхъ сочиненій.

a. ХАРАКТЕРЫ.

§ 36. Душа, по существу своему, во всѣхъ людяхъ одинаковая, отъ различныхъ впечатлѣній, производимыхъ въ ней предметами внѣшними, различнаго рода воспитанія и другихъ причинъ, въ каждомъ человѣкѣ проявляется различно. Изъ стройнаго и равномѣрнаго развитія способностей, входящихъ въ составъ ея, или изъ преобладанія одной изъ нихъ надъ другою, образуется личный *характеръ* каждаго человѣка, обнаруживающійся во всѣхъ его дѣйствіяхъ, мысляхъ и чувствованіяхъ. И такъ *характеръ* человѣка составляютъ ему только принадлежащія нравственныя и физическія свойства, а особливо первыя, то есть врожденныя и пріобрѣтенныя способности,

СПбГУ

чувствованія, склонности, образъ мыслей и поведенія. — Главная основа характеровъ весьма многоразлична: она измѣняется по временамъ, по народамъ, по состоянію, по возрасту, по образу жизни и воспитанія, по духу народа, по темпераментамъ и привычкамъ.

Общіе и частные характеры.

§ 37. Характеры бываютъ *общіе*, въ коихъ люди изображаются вообще по различію ихъ свойствъ и склонностей, наприм. скупцы, гордецы, расточители и т. п., и *особенные*, гдѣ изображены лица, существующія въ самомъ дѣлѣ и извѣстныя. — Изображеніе общихъ характеровъ требуетъ въ писателѣ наблюдательнаго духа и глубокаго познанія человѣческаго сердца, также замѣчаній и опытовъ весьма многихъ. Вѣрность и истина какъ въ цѣломъ, такъ и въ малѣйшихъ подробностяхъ, живое, разительное сходство, украшенныя остроуміемъ, суть важнѣйшія качества сочиненій сего рода.

Характеры нравственные и литературные.

§ 38. Характеры *истинные*, гораздо чаще встрѣчающіеся въ Исторіи, иногда составляютъ особенный повѣствовательный родъ сочиненій, имѣющій цѣлію своею нравоученіе посредствомъ добрыхъ примѣровъ. Но вообще, при изображеніи *характера истиннаго лица*, писатели имѣютъ двоякое

СПбГУ

намѣреніе: изобразить характеръ *нравственный* и *литературный*. Въ послѣднемъ случаѣ описываются таланты, познанія и другія свойства извѣстнаго сочинителя въ отношеніи къ Словесности, какъ на примѣръ, его слогъ, языкъ и пр. п.

§ 39. Изъ новѣйшихъ писателей *Лябрюеръ*, а изъ древнихъ *Теофрастъ* отличились въ изображеніи характеровъ. — *Теофрастъ* былъ ученикъ Платона и Аристотеля, и, по смерти сего послѣдняго, содѣлался главою Перипатетической школы. Онъ отличался великимъ превосходствомъ въ Краснорѣчіи и Философіи, особенно въ Естественной Исторіи. — До нашихъ временъ дошли многія важныя сочиненія его, какъ то: *о растеніяхъ*, *камняхъ* и проч. Но лучшимъ его произведеніемъ почитаются: *нравственные характеры*, гдѣ изобразилъ онъ весьма подробно разные характеры общества, съ разительною точностію и глубокимъ знаніемъ сердца человѣческаго, а притомъ съ великою краткостію и изяществомъ. У насъ общею характеристикою прозаическихъ писателей и поэтовъ съ успѣхомъ занимались: *Карамзинъ*, *Мерзляковъ*, *Макаровъ*, *Жуковскій*, *Батюшковъ*, *К. Вяземскій* и другіе. — Отдѣльныя же нравственныя сочиненія введены въ нашу прозу *А. Сумароковымъ*. Они

Писатели.

продолжались въ разныхъ журналахъ, издававшихся въ концѣ прошедшаго столѣтія. Г. *Булгаринъ* весьма часто помѣщаетъ въ Сѣверной Пчелѣ статьи сего рода подъ названіемъ *Юмористики*, отличающіяся сатирическою солью. Многія статьи, въ томъ же родѣ написанныя *Баронолъ Брамбеусолъ*, замѣчательны занѣйливостію содержанія, тонкою остротою и непринужденною веселостію.

в. лѣтописи.

Содержаніе Лѣтописей.

§ 40. Лѣтописи содержатъ описаніе дѣяній и происшествій по порядку времени, въ которое они случились. *Вѣрность* и *опредѣленность* суть главныя условія Лѣтописей. Писатели этого рода сочиненій заботятся только о томъ, чтобъ ихъ понимали; а потому выражаются простымъ и даже сухимъ слогомъ. Вообще Лѣтописи служатъ только матеріалами для Исторіи, но не составляютъ собственной Исторіи. Русская Исторія имѣетъ много Лѣтописей, которыя, начиная съ Несторовой, продолжаются почти до царствованія Алексія Михаиловича, до 1682 года, и, по большей части, имѣютъ названіе отъ монастырей, въ которыхъ онѣ писаны.

СПбГУ

С. ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ИСТОРІЯ.

Предметъ Прагматической Исторіи и свѣдѣнія, потребныя писателю ея.

§ 41. Прагматическая Исторія содержитъ повѣствованіе отдѣльныхъ явленій или происшествій въ видѣ стройнаго цѣлаго, въ которомъ причины и дѣйствія изображены въ тѣсной и ясной между собою связи. — Сочиненіе подобной Исторіи предполагаетъ въ писателѣ, сверхъ познанія разныхъ языковъ, основательныя свѣдѣнія въ Стилистикѣ, Географіи, Философіи, Политикѣ, Археологіи и Миѳологіи. — Все это должно быть предшествуемо *Историческою Критикою*, т. е. разсмотрѣніемъ, поясненіемъ и выборомъ истинныхъ источниковъ Исторіи.

Способности и качества Прагматическаго историка.

§ 42. Область Прагматической Исторіи весьма обширна: она обнимаетъ всѣ происшествія, взятыя изъ природы, изъ жизни гражданственной, изъ церковнаго и ученаго свѣта и проч. Впрочемъ какъ бы предметы ея различны ни были, всегда находятся они въ извѣстной связи; а потому имѣютъ многія, общія всѣмъ, свойства. Искренность, безпристрастіе, любовь къ справедливости, остроуміе, быстрый и проницательный взглядъ на происшествія, богатство въ источникахъ вѣрныхъ, здравый разсудокъ, глубокое познаніе сердца человѣческаго: вотъ существенныя качества и способности хо-

СПбГУ

рошаго историка! По сей-то причинѣ хорошіе историки весьма рѣдки.

Греческіе примѣчательные историки.

§ 43. Соединеніе всѣхъ правилъ, которыми долженъ руководствоваться историкъ, называется *искусствомъ историческимъ*. — Для пріобрѣтенія сего потребно изученіе лучшихъ историковъ. — Въ семъ намѣреніи упомянемъ здѣсь о историкахъ древности, отличавшихся не только существенными качествами своихъ сочиненій, но и самою одеждою мыслей, достойною подражанія. — Первые писатели въ греціи были стихотворцы. — Согласіе стиховъ удобнѣе напечатлѣвало въ памяти преданія славныхъ дѣлъ, украшенныя прелестями воображенія. — Самое древнее прозаическое сочиненіе, какое оставила намъ греческая Словесность въ видѣ Исторіи (здѣсь не упоминается о творцахъ историческихъ книгъ Священнаго Писанія) есть твореніе *Иродота*, названнаго *отцемъ Исторіи*. — Онъ жилъ за 460 лѣтъ до Р. Х. и путешествовалъ по Греціи, малой Азіи и Египту. Въ прозѣ пользовался онъ многими преимуществами стихотворца, не различая довольно строго пріятныхъ вымысловъ отъ истины. — Образъ писанія его есть средина между Эпическаго стихотворенія и Исторіи, естественъ, пріятенъ, иногда ва-

Иродотъ.

женъ. — Съ первыми дѣяніями соотечественниковъ своихъ соединилъ онъ нѣкоторыя свѣдѣнія о царствовавшихъ вдревлѣ поколѣніяхъ въ Мидіи, Персіи, Финикіи, Лидіи, Египтѣ, Скиѳіи. — Славное отраженіе Персовъ Греками заключаетъ достойнымъ образомъ сочиненіе его, раздѣленное на 9 книгъ, названныхъ именами Музъ. — Свидѣтелемъ восторга, произведеннаго чтеніемъ Иродотовыхъ твореній на Олимпійскихъ играхъ, былъ юный Аѳинянинъ *Ѳукидидъ*, и слезы соревнованія ознаменовали въ немъ преемника и соперника Продотова. — Въ лѣтахъ зрѣлой мудрости, полнъ опытности, и послѣ трудовъ гражданскихъ, описалъ 23 года Пелопонезской войны, бывши въ ней, по большей части, какъ самовидецъ, и даже какъ дѣйствующее лице: ибо ему препоручено было предводительствовать войскомъ; и Аѳиняне, изгнавшіе его за худой успѣхъ на войнѣ, почтили наконецъ и наградили его, какъ историка, наказавъ, какъ полководца. — Лагарпъ замѣчаетъ въ Ѳукидидѣ два недостатка, противные одинъ другому; онъ слишкомъ краткъ въ повѣствованіи и длиненъ въ рѣчахъ своихъ. — У него много мыслей, но онѣ бываютъ иногда темны; въ слогѣ его найдемъ важность Философа, но нѣсколько

Ѳукидидъ.

СПбГУ

примѣшна сухость. — Посему и читать его можно не съ такимъ удовольствіемъ, как*ъ* *Ксенофонта*, который писалъ послѣ его вскорѣ и прозванъ *пчелою аттическою*, для означенія пріятности слога его. — Онъ продолжалъ Исторію Ѳукидида до Маннинейской битвы. — Предводительствуя войскомъ при достопамятномъ отступленіи 10,000 Грековъ, онъ какъ Цесарь, былъ историкъ собственныхъ своихъ подвиговъ; какъ Цесарь, соединилъ въ себѣ даръ и описывать и со славою совершать ихъ; какъ Цесарь заслуживаетъ полное довѣріе: ибо судіями имѣлъ свидѣтелей. Это твореніе считается превосходнѣйшимъ. — Мы имѣемъ отъ Ксенофонта много и другихъ сочиненій, между прочими: *Похвальное слово Агезилаю*, царю лакедемонскому; *Собраніе достопамятныхъ изреченій Сократа* и *защитительную рѣчь* за сего Философа, котораго онъ былъ любимѣйшимъ ученикомъ.

Ксенофонтъ.

Второстепенные Греческіе историки. Полибій.

§ 44. Послѣдующіе вѣка Греціи, унѣсненной и рабствующей, не произвели историковъ, равныхъ упомянутымъ. — *Полибій*, жившій за 150 лѣтъ до Р. Х., другъ Сципіоновъ и спутникъ его при разореніи Карфагена, описалъ въ 40 книгахъ періодъ *пятидесяти трехъ лѣтъ*, начиная съ первой Пунической войны, до Персея, послѣдняго

СПбГУ

царя македонскаго, побѣжденнаго Римлянами. — До насъ дошло только пять первыхъ книгъ и нѣкоторые отрывки, начиная съ шестой до пиидцатой. — Поливія почитаютъ образцемъ *прагматическаго способа* писать Исторію. Онъ весьма занимателенъ по причинѣ подробнаго описанія военныхъ дѣйствій, о которыхъ могъ говорить, какъ знатокъ. — Въ немъ не столько удивляются краснорѣчію, какъ поучаются знанію государственныхъ дѣлъ и гражданской мудрости.

Діонисій Галикарнасскій.

Діонисій Галикарнасскій, родомъ Римлянинъ, писалъ римскую Исторію въ пользу Грековъ, раздѣленную на *двадцать книгъ*. — Она начинается отъ основанія Рима и продолжается до первой Пунической войны. — До насъ дошли только первыя *одиннадцать книгъ* и нѣкоторые отрывки послѣднихъ. — Его повѣствованіе не вездѣ безпристрастно и слогъ не можетъ почесться классическимъ. — При всемъ томъ, его творенія, болѣе нежели всѣ другія, подаютъ намъ возможность судить особенно о духѣ *конституціи* римской: ибо онъ писалъ для Грековъ, и слѣдовательно долженъ былъ входить въ большія подробности, нежели римскіе историки.

Діодоръ Сицилійскій.

Діодоръ Сицилійскій, жившій во время

Р. Х., собралъ во время путешествій своихъ по Европѣ, Азіи и Египту, и также посредствомъ прилежнаго чтенія историковъ, множество предметовъ для своей *Исторической Библіотеки*, которая состояла изъ *сорока книгъ;* но для насъ утрачена почти половина; мы имѣемъ только *пятнадцать* книгъ въ цѣлости. — Въ отношеніи къ *Хронологіи*, которую показываетъ съ великою точностію, его Исторія чрезвычайно важна, но не столько имѣетъ достоинствъ со стороны справедливости и слога.

Римскіе классическіе историки. Саллюстій.

§ 45. Римляне соревновали Грекамъ и въ успѣхахъ Исторіи. — Первый *Саллюстій*, жившій во время Р. Х, избралъ примѣромъ себѣ Ѳукидида, и съ тѣмъ же краснорѣчіемъ, благородствомъ, важностію и силою описалъ смутныя времена республики. — Творенія его, до насъ дошедшія, заключаютъ повѣствованія о *заговорѣ Катилины* и о *войнѣ Римлянъ противъ Югурты*, царя нумидійскаго. — Отъ большой его римской Исторіи въ 6-ти книгахъ мы имѣемъ только малое число отрывковъ. — Марціалъ называетъ Саллюстія первымъ изъ историковъ римскихъ: *Crispus romanâ primus in historiâ.* — Особенно Саллюстій имѣлъ живое чувство историческаго прагматизма и ис-

СПбГУ

нинно римскій духъ; языкъ его крапокъ, опредѣленъ; но въ слогѣ его иногда видна нѣкоторая принужденность. — Не хваляшъ также длинныхъ его приступовъ и нравоучительныхъ отступленій, не довольно связанныхъ съ главнымъ предметомъ. — Онъ въ нравоученіи и политикѣ далеко опытнѣе отъ Тацита, который въ этомъ отношеніи превосходитъ всѣхъ. — Юлій Цесарь и славный Азиній Полліонъ не одобряли также въ Саллюстіи темноты въ слогѣ и привязанности къ старинными реченіямъ.

Титъ Ливій, жившій также во время Р. Х., достоинъ занять первое мѣсто въ числѣ авторовъ, подробно писавшихъ Исторію Римлянъ. — Онъ въ сочиненіи своемъ, состоявшемъ изъ 140 *книгъ*, объялъ все пространство римской Исторіи, съ самаго основанія Рима по смерть Друза, внука Августова. — Время пощадило для насъ только первыя 10 книгъ и съ 24 до 45-й. — Онѣ раздѣлены переписчиками на *Декады*. — Ученый *Фрейнсгеймъ* старался замѣстить пустыя мѣста девяносто пятью прибавленіями (supplementis), взятыми изъ другихъ древнихъ авторовъ, писавшихъ Исторію Рима. — Ливіева Исторія проникнута истинно историческимъ и прагматическимъ духомъ; въ ней все кажется передъ глазами, Титъ Ливій.

СПбГУ

все живописно, и однакожъ эта живопись не переходитъ въ поэзію. — Вездѣ находимъ вѣрность, разборчивость, точность и наблюдательный умъ. — Слогъ его, какъ слогъ исторіи Карамзина, имѣетъ свой особенный характеръ, и назывался *Patavinitas Livii.* — Вкусъ Тита Ливія такъ совершенъ, что Квинтиліанъ помѣщаетъ его наряду съ Цицерономъ, совѣтуя давать преимущественно сихъ двухъ писателей читать молодымъ людямъ. — «Его повѣствованіе, говоритъ онъ, «пріятно, его рѣчи превыше «всякой похвалы; и нѣтъ ни одного исто«рика, который бы умѣлъ лучше возбуж«дать страсти!» Хотя обвиняютъ Ливія въ суевѣріи, потому что онъ весьма важнымъ образомъ повѣствуетъ о множествѣ чудесъ; но изъ сего не льзя еще заключить, что онъ имъ вѣрилъ самъ; умолчать же о нихъ не могъ потому, что чудеса сіи составляли существенную часть Исторіи такого государства, гдѣ все дѣлалось по предвѣщаніямъ и предзнаменованіямъ. —

Юлій Цесарь.

Юлій Цесарь, одинъ изъ величайшихъ людей, хотя не съ нравственной стороны, описалъ собственныя свои дѣянія подъ скромнымъ именемъ *Записокъ*. — Его *Commentarium de bello Gallico et civili* съ перваго взгляда кажется писано самымъ обыкновен-

нымъ образомъ по причинѣ опмѣнной простоты и безпритязательности; но чѣмъ болѣе съ нимъ знакомимся, тѣмъ болѣе познаемъ историческій духъ и великую его обработанность. — Сіи записки раздѣлены на *семь книгъ*, и содержатъ семь лѣтъ римской Исторіи. — Твореніе это было бы еще занимательнѣе, если бы военная часть не была для него преимущественною. — Юлій Цесарь вездѣ оказывается лишь полководцемъ. — Но при всемъ томъ, *Записки* его гораздо болѣе, нежели лѣтопись; и хотя не названы исторіею, но, по замѣчанію Цицерона, онѣ приведутъ въ отчаяніе того, кто вздумаетъ писать по нимъ Исторію. — *Корнелій Тацитъ* жилъ въ половинѣ перваго вѣка по Р. Х. и былъ Консуломъ въ царствованіе Нервы. — Его *Исторія Римлянъ* начата царствованіемъ Гальбы, и продолжается до смерти Домиціана; но отъ этой Исторіи, извѣстной подъ именемъ *Libri Historiarum*, до насъ дошли только пять книгъ, содержащихъ происшествія одного только года. — Отъ его лѣтописей *Annales*, продолжающихся съ кончины Августа до смерти Нерона, мы имѣемъ шесть первыхъ книгъ, изъ которыхъ пятая не полна, а прочія остались цѣлы, начиная съ одинадцатой до шестнадцатой. — Онъ писалъ

Корнелій Тацитъ.

еще о *Германцахъ* и *жизнь Агриколы*. — Тацитъ въ счастливыя времена Нервы и Траяна съ духомъ древняго Римлянина писалъ, какъ мыслилъ и чувствовалъ. — Слогъ его столь же твердъ, какъ и его душа, разнообразенъ безъ излишнихъ украшеній, кратокъ безъ темноты, силенъ безъ напряженія. — Онъ трогаетъ и воображеніе и разумъ. — Всякая страница, всякая строка въ Тацитѣ есть черта мудрости, неоспоримое правило. — Но онъ такъ стремителенъ и кратокъ, что потребна великая быстрота и проницательность разума, дабы успѣть за нимъ слѣдовать и его понимать. — Особенно въ живомъ начертаніи характеровъ Тацитъ навсегда останется неподражаемымъ.

Второстепенные римскіе историки.

§ 46. Между другими римскими историками, занимающими вторую степень послѣ упомянутыхъ, замѣчательны:

В. Патеркулъ.

Веллей Патеркулъ, жившій въ одно время съ Титомъ Ливіемъ, написалъ сокращенную римскую Исторію въ двухъ книгахъ, въ коихъ недостаетъ начала первой. — Его Исторія примѣчательна по чистотѣ слога и сильнымъ мыслямъ, но обезображена похвалами Сеяна, недостойнаго любимца Тиверія.

Юстинъ.

Юстинъ, жившій въ III вѣкѣ, составилъ

44 книги извлеченія изъ *всеобщей Исторіи Помпея-Трога*, писателя вѣка Августова; это и было причиною, что подлинникъ не дошелъ до нашего времени. — Слогъ Юстиновой Исторіи ясенъ, легокъ и во многихъ мѣстахъ весьма краснорѣчивъ. — *Флоръ*, живший въ началѣ II вѣка, написалъ полную Римскую Исторію слогомъ стремительнымъ и благороднымъ, но нѣсколько надутымъ. — *Евтропій*, жив. въ IV вѣкѣ, написалъ сокращеніе Римской Исторіи; слогъ его легокъ и простъ.

Флоръ.

Евтропій.

§ 47. Исторія Прагматическая дѣлится на разныя отрасли, смотря по предметамъ, въ ней изображаемымъ. — Главныя изъ нихъ суть: I) *Священная и Церковная Исторія*, II) *Всемірная Исторія*, III) *Политическая Исторія*, IV) *Біографія*, и V) *Исторія Просвѣщенія*.

Раздѣленіе Прагматической Исторіи.

I. СВЯЩЕННАЯ И ЦЕРКОВНАЯ ИСТОРІЯ.

§ 48. Исторія *Религій* занимается повѣствованіемъ о судьбѣ Церкви, или Вѣры, въ какомъ либо народѣ; показываетъ ея начало, распространеніе, успѣхи и раздѣленіе съ разсмотрѣніемъ всѣхъ внѣшнихъ и внутреннихъ причинъ, также съ изображеніемъ характера лицъ, имѣвшихъ на все это особенное вліяніе.

Предметъ Исторіи Религій.

СПбГУ

Предметъ Церковной Исторіи и раздѣленіе ея.

§ 49. Церковная Исторія называется та, въ коей описываются начало, успѣхи и происшествія Христіанской Вѣры. — Она раздѣляется на *Церковно-Библейскую* и *собственно-Церковную*. — Въ первой почерпаются свѣдѣнія изъ Священнаго писанія и твореній Св. Отцевъ, а въ другой описываемыя событія Церкви Христовой берутся изъ другихъ источниковъ.

Писатели.

§ 50. Митрополитъ *Платонъ* написалъ въ 2-хъ частяхъ краткую Церковную Исторію; Митрополитъ *Филаретъ* издалъ превосходное начертаніе Церковно-Библейской Исторіи; а Епископомъ *Иннокентіемъ* написано начертаніе Церковной Исторіи отъ Библейскихъ временъ до XVIII вѣка.

II. ВСЕМІРНАЯ ИСТОРІЯ.

§ 51. Всемірная Исторія, заключая въ себѣ всѣ отдѣльныя отрасли Исторіи, должна сообщить читателю полное понятіе о дѣлахъ и происшествіяхъ всѣхъ народовъ и гражданскихъ обществъ, съ показаніемъ причинъ и слѣдствій всѣхъ происшествій. — А потому дѣло историка изъ множества разнообразныхъ предметовъ избрать важнѣйшіе, распредѣлить ихъ по общему плану и съ наблюденіемъ надлежащей связи.

Слогъ и писатели.

§ 52. *Слогъ* Всемірной Исторіи долженъ быть сообразенъ съ характеромъ описы-

ваемаго времени, или народа, и соединять простоту съ важностію, точность, силу и живость съ благородною умѣренностію. — А для лучшаго обозрѣнія и удержанія въ памяти всѣхъ происшествій располагаютъ писатели Всемірную Исторію или *по временамъ* (синхронистически), или *по народамъ* (этнографически). — На Русскомъ языкѣ нѣтъ еще образцоваго въ этомъ родѣ творенія. — Всеобщая Исторія *Кайданова* написана слогомъ правильнымъ, чистымъ и ровнымъ, а во многихъ мѣстахъ весьма краснорѣчиво и увлекательно. — Исторія древней Греціи, *Арсеньева*, и Краткое изображеніе характера послѣднихъ шрехъ столѣтій, *Шульгина*, отличаются полнотою и легкостію въ способѣ изложенія. — Изъ переведенныхъ книгъ замѣчательны: Исторія *Ролленя*, *Миллота*, *Гольдсмита*, *Шрека* и проч.

III. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРІЯ.

§ 53. Политическая Исторія изображаетъ жизнь и судьбу царствъ и народовъ, или другихъ гражданскихъ обществъ, въ стройной связи; являетъ дѣянія царей и героевъ; показываетъ тайныя причины сихъ дѣяній, съ наблюденіемъ притомъ духа опи-

Содержаніе и главное достоинство Политической Исторіи.

СПбГУ

сываемаго времени. — Одна изъ преимущественныхъ красотъ Исторіи Политической есть *живопись*, или искусство представлять происшествія такъ разительно и живо, какъ будто бы они находились предъ нашими глазами. — Она также состоитъ въ драгоцѣнной способности замѣчать характерическія черты предметовъ и представлять ихъ кратко и сильно. — Сюда принадлежатъ рѣчи, разговоры, свиданія знаменитыхъ мужей и занимательныя положенія, въ которыхъ находятся сіи послѣдніе.

Русскіе историческіе писатели.

§ 54. *Ломоносовъ* первый у насъ началъ писать хорошимъ историческимъ слогомъ. — Онъ написалъ *Краткій Россійскій лѣтописецъ* съ родословіемъ и *древнюю Россійскую Исторію* до 1054 года. — Въ Исторіи его много краснорѣчія, но мало прагматизма. — Собственно же Россійская Исторія обязана своимъ существованіемъ Екатеринѣ II; до ея времени Лѣтописи Русскія почитались какъ бы тайною государственною; не смѣли ихъ печатать. — *Синопсисъ Гизеля* служилъ до половины XVIII вѣка единственною учебною книгою по сей части. — Екатерина II, въ свободное отъ государственныхъ занятій время, сама занималась Исторіею Россіи, и, въ послѣдствіи, издала Записки

СПбГУ

касательно Россійской Исторіи. — При ней напечатаны многія Лѣтописи и другія пособія Россійской Исторіи, какъ-то: *Степенныя книги, записки Византійскія* и проч. — Но мы, по связи съ нашимъ предметомъ, упомянемъ только о главнѣйшихъ прежнихъ историкахъ, трудившихся надъ сочиненіемъ или, лучше сказать, надъ собраніемъ матеріаловъ для Исторіи Россіи. *Князь Хилковъ*, бывши въ 1700 году Резидентомъ въ Швеціи, и тамъ же находясь въ заключеніи, написалъ *Ядро Россійской Исторіи*, до временъ Петра Великаго, которому и посвятилъ свое твореніе въ 1715 году. — По недостатку хорошей книги, сія Исторія долго употреблялась въ Русскихъ училищахъ, хотя и написана слогомъ тяжелымъ и безъ исторической критики. — *Татищевъ* оставилъ *Исторію Россійскую отъ самыхъ древнѣйшихъ временъ, чрезъ* 30 *лѣтъ собранную и описанную*. — Твореніе сіе пользовалось нѣкогда заслуженнымъ уваженіемъ и, по отзывамъ самого Шлецера, можетъ почесться лучшею сводною Русскою лѣтописью съ критическими примѣчаніями, доказывающими глубокую ученость историка и стремленіе его къ истинѣ. — А потому, не смотря на нѣкоторые и довольно важные недостатки, Исторія Татищева можетъ быть

читана съ пользою. — Сожалѣть должно, что собраніе Лѣтописей, отысканныхъ Татищевымъ въ Сибири и разныхъ выписокъ изъ историческихъ книгъ Латинскихъ, Польскихъ, Нѣмецкихъ и другихъ служившихъ къ сочиненію его Исторіи, сдѣлалось жертвою пожара. — Историографъ Миллеръ занимался, по повелѣнію Екатерины II, изданіемъ Исторіи Татищева, съ неисправнаго списка, подареннаго сыномъ его Московскому Университету. — *К. Щербатовъ* съ самыхъ юныхъ лѣтъ занимался собираніемъ матеріаловъ, относящихся къ отечественной Исторіи. — По волѣ Екатерины II, онъ имѣлъ открытый входъ во всѣ государственныя библіотеки и архивы; и такимъ образомъ написалъ 15 *книгъ Россійской Исторіи до Царя Михаила Ѳеодоровича.* — Исторія сія заслуживаетъ вниманіе во многихъ отношеніяхъ, хотя и написана тяжелымъ слогомъ и безъ критики. — *Болтинъ*, членъ Россійской Академіи, скончавшійся въ 1792 году, написалъ 2 тома критическихъ примѣчаній на *Исторію древнія и новѣйшія Россіи*, изданную *Леклерколь.* — Въ замѣчаніяхъ сихъ Болтинъ явно обличилъ Леклерка въ неблагонамѣренной лжи и клеветахъ на Россію, въ незнаніи нашей Исторіи, а притомъ и самаго языка

Русскаго, въ безразсудной дерзости утверждать то, чего самъ не видалъ и слышать не могъ. — Упрекаютъ только Болтина въ томъ, что онъ въ замѣчаніяхъ своихъ на Исторію Леклерка, также какъ и на Исторію Щербатова, простиралъ критику свою до личныхъ колкостей и брани. — Но вообще въ твореніяхъ Болтина находится много важныхъ объясненій на темныя мѣста древней нашей Исторіи. — Изъ другихъ писателей прежняго времени, занимавшихся, хотя и не съ большимъ успѣхомъ, отечественною Исторіею, должно упомянуть о Эминѣ и Елагинѣ. — Исторія Россійская *Эмина*, изданная въ 3-хъ частяхъ, продолжается до Всеволода III, до 1213 года. — Она нынѣ лишилась всей цѣны своей; ибо доказано, что авторъ ея пользовался самыми невѣрными источниками. — *Елагинъ*, сверхъ многихъ сочиненій и переводовъ, написалъ *Опытъ повѣствованія о Россіи*, доведенный до 1389 года, то есть до кончины В. К. Дмитрія Іоанновича Донскаго. — Слогъ Елагина слишкомъ высокопаренъ и вишіеватъ для Исторіи; притомъ же сочинитель, слѣдуя догадкамъ Татищева, самъ вымышлялъ толкованія. — *Шлецеръ* первый открылъ Россіянамъ важность исторической критики, и обезсмертилъ имя

свое изображеніемъ Русской Исторіи, а преимущественно изданіемъ лѣтописи Нестора, критически разсмотрѣнной.

Карамзинъ и Муравьевъ.

§ 55. *Исторія Государства Россійскаго*, написанная въ XII томахъ, *Карамзинымъ*, есть замѣчательное явленіе и въ Исторіи и въ Словесности нашей. Карамзинъ, чувствуя, что у насъ не было Исторіи, которая бы заставила полюбить себя, какъ науку и какъ чтеніе, написалъ Исторію въ повѣствовательномъ родѣ, и такимъ образомъ, чтобъ привлечь какъ можно болѣе читателей. — Краснорѣчивый разсказъ и блистательная выставка всѣхъ событій привлекли читающую публику. Философская часть Исторіи Карамзина ограничивается чувствительностію, добротою сердца, любовію къ добродѣтели и сильнымъ отвращеніемъ къ злодѣянію, пролитыми въ цѣломъ сочиненіи и происходящими изъ прекрасной души сочинителя. Во всемъ прочемъ Карамзинъ является оратором, а не прагматическимъ историкомъ. Изъ сего однакожъ не слѣдуетъ заключить много невыгоднаго для самаго сочиненія, во многихъ отношеніяхъ превосходнаго; и Карамзинымъ сдѣлано все, что только можно было сдѣлать въ его время. Самыя слабыя стороны въ Исторіи Карамзина суть: эпоха Варя-

СПбГУ

говъ и періодъ Монгольскаго владычества. Но, кажется, и въ этомъ Карамзинъ не заслуживаетъ большихъ упрековъ. Дабы надлежащимъ образомъ представить періодъ владычества Монголовъ, нужно быть знакомъ Восточныхъ языковъ; но, сколько извѣстно, доселѣ сами оріенталисты въ этомъ случаѣ мало показали удовлетворительныхъ изслѣдованій. А потому *Исторія Россійскаго Государства* навсегда останется образцовымъ твореніемъ и изящнѣйшимъ памятникомъ таланта Карамзина. — *М. Муравьевъ*, въ краткомъ начертаніи Россійской Исторіи, съ особенною точностію и отчетливостію, передалъ важнѣйшія событія нашего отечества.

Современные намъ писатели, трудившіеся надъ обработываніемъ отечественной Исторіи.

§ 56. *С. Глинка*, *Кайдановъ*, *Строевъ* и *Погодинъ* писали также Русскую Исторію, и представили довольно полную картину минувшихъ вѣковъ Россіи. Труды ихъ достойны всякаго уваженія. — *Полевой* первый у насъ возъимѣлъ мысль написать Исторію Русскаго народа. Трудъ его можетъ быть оцѣненъ только по изданіи имъ въ свѣтъ всего сочиненія.

Изъ другихъ писателей, занимавшихся Россійскою Исторіею, всю нашу признательность заслуживаютъ Митрополиты: *Евгеній* и *Сестренцевичъ*, *Графъ А. И. Му-*

синъ-Пушкинъ, *Каченовскій*, *Малиновскій*, *Бантышъ-Каменскій*, *Кругъ*, *Лербергъ*, *Эверсъ* и нѣкоторые другіе. *Графъ Румянцевъ*, оставивъ занятія службы, въ послѣдніе годы жизни своей, обратилъ благородные труды и посвятилъ избытки свои въ пользу Россійской Исторіи. — При его стараніяхъ и на его иждивеніи, напечатаны весьма многіе важные матеріалы, относящіеся къ отечественной Исторіи. — *Устряловъ* пріобрѣлъ благодарность соотечественниковъ переводами иностранныхъ сочиненій о Россійской Исторіи. Имъ переведены: *Сказаній современниковъ о Димитріѣ Самозванцѣ три части*, изъ коихъ 1-я содержитъ *Берову* лѣтопись Московскую, 2-я Записки *Георга Паерле*, а 3-я Записки *Маржерета* и *Де-ту*. Устряловъ также оказалъ важную услугу нашей Исторіи изданіемъ въ свѣтъ сочиненій *Князя Курбскаго*. Д. *Языковъ* перевелъ *Шлецерова Нестора* и *Изслѣдованія Лерберга*, служащія къ объясненію Русской Исторіи. — Къ замѣчательнымъ историческимъ сочиненіямъ должно отнести *Исторію Пугачевскаго бунта*, написанную *А. Пушкинымъ*, и *Записки о походахъ* 1812 и 1813 *годовъ отъ Тарутинскаго сраженія до Кульмскаго боя*. — О достоинствѣ сихъ произве-

деній подробнѣе говорится въ Исторіи Русской Литературы.

IV. БІОГРАФІЯ.

§ 57. Біографія, или жизнеописаніе, есть повѣствованіе о судьбѣ, поступкахъ и свойствахъ знаменитой особы, обратившей на себя особенное вниманіе или талантами своими, или отличными заслугами, или страннымъ стеченіемъ обстоятельствъ и перемѣнъ счастія.

§ 58. *Цѣль Біографа* и *цѣль Историка* въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ различны. — Послѣдній описываетъ происшествія въ связи и порядкѣ, а первый всего болѣе смотритъ на дѣйствующую особу и старается, со всею возможною подробностію, разительно отличить ея характеръ. Для сего, между многоразличными случаями жизни, превратностями, слабостями и дѣйствіями, онъ описываетъ особенно тѣ, которыя должны служить урокомъ, или спасительнымъ примѣромъ для подражанія. — Біографія оправдываетъ древнее мнѣніе, всѣми принятое, что хорошіе примѣры гораздо дѣйствительнѣе всѣхъ философскихъ наставленій и правилъ.

Различіе цѣли Біографа и Историка.

§ 59. Мы прежде замѣтили, что точность и любовь къ истинѣ составляютъ

Главныя условія для Біографа.

СПбГУ

священную обязанность каждаго Историка; то же самое предписывается Біографу, особливо когда его сочиненія заключаютъ въ себѣ дѣйствительныя событія, основанныя на вѣрнѣйшихъ преданіяхъ. Для сего онъ не долженъ укрыть отъ читателей недостатковъ и пороковъ изображаемаго лица, лишь бы это не вредило общему впечатлѣнію, а только увеличивало сходство изображенія.

Слогъ Біографіи.

§ 60. Слогъ Біографіи требуетъ ясности, порядка, живости, свободы, и вообще всѣхъ достоинствъ, необходимыхъ для историческихъ сочиненій. — Онъ позволяетъ себѣ только скромныя украшенія, удаляется всего панегирическаго и напыщеннаго, бываетъ всегда равенъ, цвѣтущъ и разнообразенъ. Иногда авторы описываютъ собственную свою жизнь; въ такомъ случаѣ, обращая преимущественно вниманіе на раскрытіе и образованіе душевныхъ своихъ способностей и качествъ, употребляютъ слогъ простой и даже шутливый, не нарушая впрочемъ правилъ приличія и не отступая отъ истины.

Некрологія.

Примѣчаніе. Къ Біографіи относится *Некрологія*, содержащая краткое извѣстіе о кончинѣ, важнѣйшихъ случаяхъ жизни и главныхъ дѣяніяхъ героя, твореніяхъ ученаго, произведеніяхъ художника, успѣхахъ

артиста и проч. Вообще Некрологія служитъ основаніемъ для Біографіи, такъ какъ Лѣтопись для Исторіи. Впрочемъ Некрологія не рѣдко описываетъ дѣла и такихъ людей, которые не могутъ быть предметомъ Біографіи; притомъ же, изображая только одну похвальную сторону и составляя произведеніе временное, Некрологія не имѣетъ нужды въ послѣдовательности событій, столь строго наблюдаемой въ Біографіи.

Греческіе Біографы. Ксенофонтъ.

§ 61. Упомянемъ объ отличныхъ Біографахъ древности. *Ксенофонтъ* въ *Киропедіи* начерталъ образецъ совершеннаго Государя и наилучшаго Правительства. Ежели военные люди должны брать его въ примѣръ какъ полководца въ отступленіи десяти тысячъ Грековъ, то надлежитъ удивляться ему, какъ философу и какъ человѣку государственному въ прекрасномъ твореніи *Киропедіи*, которую можно сравнить съ Фенелоновымъ Телемакомъ. Сказано о Ксенофонтѣ, что Граціи обитали на устахъ его; къ этому можно прибавить, что имъ сопричастствовала и мудрость. — Начиная съ него даже до Фенелона, не имѣлъ никто въ такой степени дара представлять добродѣтель любезною. Древніе говорятъ объ немъ не иначе, какъ съ благоговѣніемъ. Из-

вѣстно, что Сципіону и Лукуллу служили творенія его ушѣхою. Ксенофонтово *Собраніе достопамятныхъ изреченій Сократа* напрасно нѣкоторые причисляютъ къ Біографіи; тамъ содержатся только нѣкоторые анекдоты о Сократѣ и его образѣ мыслей, и хотя немалый свѣтъ проливаютъ на сего примѣчательнѣйшаго философа, но къ Біографіи не принадлежатъ. — Въ позднѣйшее время Греческой словесности писалъ

Плутархъ. *Плутархъ* превосходныя *Сравнительныя жизнеописанія* знаменитѣйшихъ мужей Греціи и Рима. — До насъ дошли только *сорокъ четыре* его сравненія, или *жизнеописанія*. — Они начертаны перомъ историка и философа, и въ разсужденіи нравоученія и повѣствованія почитаются произведеніемъ высокаго и отличнаго ума. — Если въ разсказѣ Плутарха не достаетъ надлежащей ясности и полноты; то должно помнить, что онъ предполагаетъ уже въ читателѣ знаніе всеобщей Исторіи. — Онъ занимается человѣкомъ болѣе, нежели дѣлами, не распространяясь въ подробностяхъ, какъ дѣлаетъ Светоній, но избирая только нѣкоторыя черты лицъ описываемыхъ. Справедливость и прямодушіе повсюду управляютъ его сужденіемъ. Размышленія его суть сокровище мудрости и прямой политики.

Хотя Плутархъ, бывъ Віотянинъ, не имѣлъ чистоты аттическаго нарѣчія; но слогъ его и величественъ и силенъ. На Русскій языкъ сравнительныя жизнеописанія Плутарха переведены *Дестунисолемъ* съ историческими и критическими примѣчаніями. — *Діогена Лаэрція* описанія жизни философовъ мало замѣчательны, и потому лишь заслуживаютъ вниманіе, что намъ не достаетъ лучшихъ по сему извѣстій. Діогенъ Лаэрцій.

§ 62. Изъ Римскихъ Біографовъ извѣстнѣйшіе суть: *Корнелій Непотъ*, *Тацитъ*, *Светоній* и *Квинтъ Курцій*. Обстоятельства жизни *Корнелія Непота* почти не извѣстны. Мы знаемъ только, что онъ жилъ не за долго до Р. Х., былъ близокъ къ Цицерону и Аттику, и родился въ Госпиліи, городкѣ близъ Вероны. Онъ былъ творцемъ многихъ сочиненій, изъ коихъ до насъ только дошли *Жизни знаменитыхъ полководцевъ*, которыя сначала приписываемы были *Эмилію Пробу*, но онъ былъ только ихъ переписчикомъ. Всѣ жизнеописанія К. Непота отличаются краткостію выраженія, соединенною съ неподражаемою красотою и отдѣлкою слога. *Тацитово* жизнеописаніе *Агриколы* есть единственное и превосходнѣйшее изъ его твореній, хотя и всѣ творенія его превосходны. — Оно сочинено имъ во время Римскіе Біографы. Корнелій Непотъ. Тацитъ.

СПбГУ

пишины и благоденствія. Въ немъ преподаны прекрасныя и весьма полезныя наставленія для всѣхъ тѣхъ, коихъ судьба осудила жить во времена злополучныя. —

Свешоній. *Свешоній* былъ секретарь Императора Адріана. Его *жизнеописанія* двѣнадцати первыхъ Императоровъ Римскихъ отличаются особеннымъ безпристрастіемъ, великою свободою и строгою любовію къ истинѣ. Онъ не опускаетъ ничего относящагося къ жизни описываемой особы, изобиленъ подробностями, хотя и весьма скупъ на разсужденія. Множество любопытныхъ, приводимыхъ имъ анекдотовъ, написаны слогомъ откровеннымъ и достойнымъ Исторіи. —

КвинтъКурцій. *Квинтъ Курцій* жилъ, вѣроятно, при Веспасіанѣ. Онъ описалъ жизнь *Александра Великаго* въ десяти книгахъ, въ которыхъ недостаетъ начала и многихъ мѣстъ; *Фрейнсгеймъ* и *Целлярій* пополнили сіи промежутки. Слогъ Квинта Курція преисполненъ украшеній риторическихъ, но приличенъ предмету: ибо онъ описывалъ жизнь человѣка чрезвычайнаго. Особенно превосходенъ онъ въ описаніи битвъ. Его рѣчь отъ лица Скиѳовъ есть отличное произведеніе. Только обвиняютъ Квинта Курція во многихъ погрѣшностяхъ въ лѣтосчисленіи и географіи. — Но несправедливо, кажется, упрека-

ютъ его въ томъ, что онъ позволилъ себѣ въ Исторіи героя своего много невѣроятнаго. — Александръ и у другихъ историковъ представляется необыкновеннымъ во всемъ. Есть люди, о которыхъ истинное повѣствованіе весьма походитъ на сказку по тому только, что эти люди не походятъ на другихъ людей. — Въ XVIII вѣкѣ даже, Карлъ XII доказалъ это. — Квинтъ Курцій не закрывалъ, да и не имѣлъ причины закрывать недостатки и худыя качества Александровы. Онъ говоритъ о немъ худо и добро, и не походитъ на энтузіаста, ниже на панегириста.

§ 63. На Русскомъ языкѣ мы не имѣемъ еще хорошихъ Біографій. *Подшивалова* и *Фонъ Визина* жизнеописанія, писанныя ими самими, кажется, лучшія, хотя и не конченныя. Знаменитѣйшія же лица нашей Исторіи ждутъ еще своихъ біографовъ. Впрочемъ нельзя не замѣтить здѣсь о неутомимыхъ трудахъ *Голикова*, который описалъ *Дѣянія Петра Великаго, мудраго преобразователя Россіи*, а впослѣдствіи издалъ *Дополненія къ дѣяніямъ Петра Великаго.*— Сія исторія Петра Великаго никогда не потеряетъ своей цѣны, какъ сводъ всѣхъ извѣстій о семъ Государѣ. Критики виняютъ Голикова особенно въ томъ, что онъ пи-

Біографіи на Русскомъ языкѣ.

салъ свою исторію слишкомъ вишіеватымъ слогомъ, и примѣшивалъ къ ней много совершенно посторонняго и ненужнаго. Оправдать же Голикова можно тѣмъ, что онъ, и по собственному его признанію, не историкъ, а собирательь; и что изъ *тридцати томовъ* его можно извлечь *десять* существенной исторіи Петра I. *Фуксъ* подарилъ насъ весьма любопытными свѣдѣніями, относящимися къ жизни *Суворова*, и написанными пріятнымъ слогомъ. — Жаль только, что онъ намъ не оставилъ полной Біографіи сего безсмертнаго героя. *Берхъ* удачно собралъ многіе матеріалы, относящіеся къ жизнеописаніямъ нѣкоторыхъ извѣстнѣйшихъ Русскихъ Адмираловъ. — Жизнеописаніе *Грибоѣдова* — сочиненіе *Булгарина*, оживлено чувствомъ и живостію разсказа. — Жизнь Александра I, описанная *Гречемъ* и помѣщенная въ Энциклопедическомъ Лексиконѣ, по многимъ отношеніямъ заслуживаетъ особенное вниманіе.

V. ИСТОРІЯ ПРОСВѢЩЕНІЯ.

§ 64. Въ Исторіи Просвѣщенія изображаются успѣхи всего человѣческаго рода, или жителей одного какого либо государства въ наукахъ, художествахъ и вообще въ нравственномъ и умственномъ образо-

ваніи. — Свѣдѣнія сіи берутся изъ всемірной и политической Исторіи, или изъ частныхъ наблюденій самого писателя.

§ 65. Исторія какой либо *науки*, или *художества*, *торговли*, *ремеслъ*, изображаетъ начало, постепенное усовершенствованіе и упадокъ сихъ отраслей, или искусствъ. — Измѣненіе въ *слогѣ* сочиненій этого рода происходитъ, по большей части, отъ различнаго содержанія ихъ; но вообще въ нихъ употребляется *слогъ средній*. — Изъ оригинальныхъ опытовъ ученой Исторіи у насъ замѣчательны: *Исторія философскихъ системъ — Галича*, *Исторія медицины — Рихтера*, *Опытъ Исторіи Русской литературы — Греча*; а изъ переведенныхъ: *Исторія древней и новой литературы — Шлегеля*. Слогъ и писатели.

D. ФИЛОСОФИЧЕСКАЯ ИСТОРІЯ.

§ 66. Предметомъ философической Исторіи бываютъ не простыя повѣствованія, но размышленія о важнѣйшихъ событіяхъ и дѣяніяхъ людей, съ извлеченіемъ изъ того наблюденій о сокровенныхъ причинахъ и дѣйствіяхъ внутренней жизни самаго человѣчества. Это составляетъ верхъ всѣхъ нашихъ историческихъ познаній. — Историкъ-философъ разсматриваетъ народы, гражданскія общества и вообще все чело- Содержаніе философской Исторіи, направленіе ея и слогъ.

вѣчество, какъ бы одного отдѣльнаго человѣка въ его рожденіи, возрастаніи, дѣятельности, старости и смерти. А потому философской Исторіи должно предшествовать основательное познаніе происшествій. *Слогъ* въ Исторіи сего рода обыкновенно употребляется *средній*, который впрочемъ иногда переходитъ и въ высокій, смотря по важности предмета. У насъ на Русскомъ языкѣ даже нѣтъ и опытовъ въ философической Исторіи. Немногіе только изъ писателей нашихъ помѣщаютъ въ своихъ исторіяхъ философскія обозрѣнія событій по окончаніи каждаго періода.

Е. ВЫМЫШЛЕННЫЯ ПОВѢСТВОВАНІЯ.

§ 67. Къ повѣствованіямъ вымышленнымъ относятся: *Прозаическія Повѣсти*, *Сказки*, *Романы* и частію *Анекдоты*. — Сочиненія сіи, по основной своей идеѣ и по содержанію, должны принадлежать Поэзіи, а по способу изложенія и цѣли — изображать дѣянія человѣческія — относятся къ прозѣ повѣствовательной.

Различіе между Повѣстію, Сказкою и Анекдотомъ.

§ 68. Вымышленныя повѣствованія отличаются другъ отъ друга своимъ содержаніемъ, формою и слогомъ. — Самыя короткія изъ нихъ — то же, что и небольшіе Романы — называются *Повѣстями*; — а ко-

гда ихъ содержаніе основано на народныхъ разсказахъ и чудесностяхъ, тогда принимаютъ онѣ названіе *Сказокъ*. — Главное достоинство ихъ состоитъ въ слогѣ, который отличается легкостію, живостію, просподушіемъ и нѣкоторыми національными оборотами. — Отъ Сказокъ не требуется ни особливой точности въ расположеніи, ни строгаго вѣроятія. — Времена рыцарскія и баснословныя царства Фей суть обыкновенный магазинъ для сочиненій сего рода. — *Анекдотами* называются самыя краткія повѣствованія, имѣющія основаніемъ острую мысль и показывающія рѣдкую черту характера, ума и сердца какого либо лица. — Главныя достоинства ихъ: новость, рѣдкость и важность.

Писатели Повѣстей и Сказокъ.

§ 69. Изданныя повѣсти *Херасковыя*: *Кадмъ* и *Гармонія*, *Полидоръ*, *Нума Помпилій*, въ свое время были занимательны; но нынѣ устарѣли относительно слога. — Повѣсти Карамзина: *Марѳа Посадница*, *Бѣдная Лиза*, *Юлія*, *Островъ Борнгольмъ*, *Наталья Боярская дочь* и пр., отличаются нѣжностію чувствованій, легкостію, живостію и прелестію разсказа. Въ особенности же *Марѳа Посадница* оживлена сильными чувствами и возвышеннымъ краснорѣчіемъ. Но общій недостатокъ повѣстей Ка-

СПбГУ

рамзина есть отсутствіе народности. — Повѣсть *Жуковскаго: Марьина роща* замѣчательна по многимъ картинамъ, прелестному слогу и въ особенности по своей народности. — *Пушкинъ* издалъ хорошо разсказанныя повѣсти подъ именемъ *Ивана Петровича Бѣлкина.* — Но къ превосходнѣйшимъ въ наше время повѣстямъ должно отнести *Русскіе повѣсти* и *разсказы Марлинскаго.* — Живой слогъ, оригинальность воображенія, новыя мысли, ясный умъ, пламенное чувство, занимательность характеровъ, неподдѣльное остроуміе и великолѣпныя картины природы — все это находится въ этихъ повѣстяхъ. Относительно языка, Марлинскій стоитъ на одинакой степени съ Жуковскимъ и Пушкинымъ. — *Фантастическія путешествія Барона Брамбеуса* составляютъ весьма пріятное явленіе въ нашей словесности, и свидѣтельствуютъ о дарованіи, какихъ у насъ весьма не много. — Сочиненіе это усыпано остроуміемъ, и принадлежитъ къ тому роду, въ которомъ нѣкогда превосходствовалъ Волтеръ, и Кандидъ его есть первообразъ того, что мы видимъ въ книгѣ Брамбеуса. — *Вечера на хуторѣ близъ Диканьки* — повѣсти, довольно легко разсказанныя *Пасичникомъ рудымъ Панькомъ*, обнаруживаютъ только

иногда усиліе сочинителя казаться остроумнымъ и веселымъ. — Нѣкоторыя повѣсти *Казака Луганскаго*, какъ-то: *Нападеніе въ расплохъ*, и *Цыганка*, превосходно написаны. — Сверхъ того, мы имѣемъ замѣчательныя повѣсти: *Беницкаго*, *Полеваго*, *Панаева*, *Погодина* и *Барона Розена*. — Къ лучшимъ прозаическимъ Сказкамъ должно отнести изданную *В. Ушаковымъ* Восточную повѣсть подъ названіемъ: *Котъ Бурмосеко, любимецъ Калифа Аль-Мамума*. — Герой этой Сказки есть котъ Бурмосеко, грозный бичъ несправедливыхъ судей и взяточниковъ.

Опредѣленіе, достоинство и слогъ Романа и отличіе отъ Повѣсти.

§ 70. *Романами* собственно называются пространнѣйшія вымышленныя повѣствованія. — Въ наше время подъ словомъ: *Романъ* разумѣютъ историческую эпоху, развитую въ вымышленномъ повѣствованіи. Вообще Романы, изображая полную жизнь своихъ дѣйствователей во всемъ развитіи, гораздо разнообразнѣе прочихъ повѣствованій. — Достоинство Романа заключается или въ необыкновенномъ, трогательномъ и разительномъ событіи, или въ любопытныхъ и привлекательныхъ подробностяхъ, сопровождающихъ обыкновенное событіе, или въ искусствѣ представлять самый вымыслъ, какъ дѣйствительную истину, или въ привлекательности слога, ко

торый долженъ быпь менѣе спихопворнымъ, менѣе смѣлымъ, менѣе украшеннымъ, нежели въ Эпопеѣ: онъ ограничиваепся пріяпносшями легкой прозы.

Основаніе и цѣль Романовъ.

§ 71. Основаніе Романовъ бываепъ или *историческое*, или вымышленное, и припомъ двухъ родовъ: или *важное*, или *комическое*. Романъ *рыцарскій* занимаепъ средину между сими двумя родами. — Цѣль каждаго Романа — нравишься и научапь, дѣйспвовапь, на чувспва и воображеніе. — Романъ шѣмъ совершеннѣе, чѣмъ болѣе удовлепворяепъ симъ пребованіямъ, и чпеніе его можепъ образовапь вкусъ и чувспво.

Форма Романовъ и древніе писашели.

§ 72. *Форма* Романовъ многоразлична. Они могупъ имѣпь форму или 1) *Историческую*, или 2) *Драматическую* (разговорную) и 3) иногда и шу и другую вмѣспѣ. — Романы бываюпъ пакже въ *письмахъ*. — Романы не были извѣспны Древнимъ въ шомъ видѣ, въ какомъ они нынѣ сущесшвуюпъ; всѣ вымышленныя повѣспвованія Грековъ облекаемы были въ одежду поэзіи. — Опъ позднихъ временъ древносши оспались намъ шворенія Греческихъ писашелей, копорыя можно опнесши къ эпому роду. Въ нихъ описана любовь, и попому они называюпся *эротическими*.

Русскіе писа-

§ 73. На Русскомъ языкѣ *Нарежный*

СПбГУ

предсшавилъ первые опыпы оригинальныхъ Романовъ. Лучшій изъ его Романовъ: *Бурсакъ*. — Но Нарежный былъ Теньеръ, и притомъ Русскій Теньеръ Романа. Его Романы, нося отпечатокъ народносши, грубы какъ по слогу, шакъ и по выбору предмешовъ. — *Булгаринъ* издалъ четыре Романа: *Иванъ Выжигинъ*, *Петръ Ивановичъ Выжигинъ*, *Дмитрій Самозванецъ* и *Мазепа*. — Главное досшоинсшво первыхъ двухъ Романовъ заключаешся въ искусспвѣ разсказа, во множесшвѣ саширическихъ, вѣрныхъ и не рѣдко прогашельныхъ каршинъ, оживляемыхъ дѣйсшвіемъ; — но шолько въ нихъ мало Русской народносши. — *Дмитрій Самозванецъ*, изобилуя многими новыми исшорическими свѣдѣніями, мало имѣешъ романической занимашельносши; притомъ же не вездѣ дѣйсшвіе романическое въ немъ связано съ исшорическимъ. Въ Романѣ: *Мазепа*, при многихъ недосшашкахъ въ изображеніи характеровъ, очень близко и живо изображенъ быпъ Малороссійскихъ удальцовъ спараго времени. — *Загоскинъ* написалъ три замѣчашельные Романа: *Юрій Милославскій*, *Рославлевъ* и *Аскольдова могила*. Читая первый изъ сихъ романовъ, мы переносимся въ 1612-й годъ. — Какъ живы, какъ замѣча- шели Романовъ.

тельны сцены старинной Русской жизни! Духъ вѣка, тогдашніе нравы и обычаи изображены вѣрно, и обличаютъ въ авторѣ начитанность въ отечественной Исторіи. Характеры вообще хорошо выдержаны; ходъ происшествій естественъ и простъ; между тѣмъ интересъ Романа вездѣ поддерживается. Только рѣчь Минина слаба: въ ней нѣтъ порывовъ народнаго краснорѣчія. Боярская дума изображена холодно. — *Рославлевъ* уступаетъ въ достоинствѣ Юрію Милославскому; въ немъ, при многихъ прогательныхъ, забавныхъ и ужасныхъ картинахъ, не соблюдено единства въ цѣломъ. — *Аскольдова могила*, какъ произведеніе фантазіи, гдѣ авторъ не думалъ о времени и изображаемомъ вѣкѣ, можетъ почесться лучшимъ Романомъ. Только въ немъ не всѣ характеры выдержаны, тонъ вездѣ слишкомъ шутливый, а интересъ цѣлаго разбивается ненужными вставками. — *Монастырка* — *Погорѣльскаго* есть пріятное литературное явленіе. Содержаніе сего Романа взято изъ Малороссійскаго быта, который и составляетъ весьма занимательную раму повѣсти. — Семейство *Дюндиковыхъ* представляетъ группу запѣйливыхъ каррикатуръ. Языкомъ Погорѣльскій владѣетъ прекрасно, осо-

бенно разговоры и письма дѣйствующихъ лицъ запечатлѣны искренностію выраженій. — *Стрѣльцы*, историческій Романъ, написанный *Масальскимъ*, замѣчателенъ особенно по нравственной цѣли своей. Авторъ, выставивъ историческія и вымышленныя лица, безкорыстно преданныя престолу и отечеству, рѣзко и искусно противопоставилъ имъ людей, увлекавшихся духомъ мятежей и суевѣріемъ. Притомъ же эпоха, имъ избранная, по важности происшествій, чрезвычайно любопытна. До сихъ поръ никто еще изъ нашихъ и иностранныхъ писателей не изобразилъ происшествій сихъ съ надлежащею точностію и полнотою. — А потому Романъ *Стрѣльцы* можетъ даже полезенъ быть и для будущаго историка Петра Великаго: ибо авторъ, критически изслѣдывая историческіе источники, объяснилъ многое, что донынѣ оставалось недосказаннымъ, или было неполно написано. *Гречъ* написалъ два Романа: *Поѣздка въ Германію* и *Черная женщина*. Кромѣ превосходства языка, Романы сіи отличаются разсказомъ живымъ, исполненнымъ чувства и движенія. — Съ удовольствіемъ читаешь повѣствованіе объ обыкновенныхъ приключеніяхъ жизни съ изображеніемъ милыхъ и

пріятныхъ характеровъ, и нигдѣ не видно усилія автора сдѣлать сіи характеры сильными и разительными. — *Семейство Холмскихъ* есть довольно удачное подражаніе переведенному съ Англійскаго на Французскій Роману: *Le pour et le contre* и хорошо примѣненное къ Русскому быту. — *Калашниковымъ* изданы два Романа: *Дочь купца Жолобова* и *Калчадалка*. Первый изъ сихъ Романовъ извлеченъ изъ Иркутскихъ преданій, и можетъ быть отнесенъ къ тому роду, въ коемъ написалъ Куперъ: *Американскія степи*. Въ немъ особенно занимательно описаніе южной Сибири. Вообще Романъ Г. Калашникова сообщаетъ въ пріятной романической формѣ свѣдѣнія о Сибири, составляющей часть донынѣ мало извѣстную и богатую разнообразіемъ ея природы и обитателей. — Слогъ въ нихъ правиленъ, описанія живы и отчетливы, характеры лицъ разнообразны. — *Вельтманъ* въ своемъ Романѣ *Кощей безсмертный*, описывая XII-й вѣкъ со всѣми тогдашними повѣрьями, преданіями, мыслями и сказками, переноситъ читателя въ тотъ вѣкъ, указывая ему на Бабу-Ягу, Кощея, Полкана и проч., у него все живо, все занимательно, все правдоподобно. — *Киргизъ-Кайсакъ* — *Ушакова*, напи-

санный правильнымъ и чистымъ слогомъ, самый близкій къ идеалу Романа. Въ немъ нѣтъ примѣси Исторіи: онъ есть вполнѣ произведеніе піитическое, созданіе сочинительевой фантазіи, чрезъ всю цѣлость котораго пронизывается, такъ сказать, одна основная мысль, его оживляющая. — Эта мысль есть тотъ господствующій донынѣ въ нашемъ обществѣ предразсудокъ, по которому человѣкъ низкаго происхожденія, хотя бы онъ былъ образованъ и одаренъ отличными качествами, теряетъ въ глазахъ свѣта всю свою цѣну. — *Полевымъ* изданы два Романа: *Клятва при гробѣ Господнемъ* и *Аббадона*. Въ первомъ авторъ имѣлъ въ виду создать *Русскій* Романъ. — Одно уже то, что въ этомъ Романѣ любовь играетъ не главную роль, доказываетъ, что Полевой хорошо понялъ поэзію Русской жизни. — Занимательность какъ въ завязкѣ и ходѣ всего Романа, такъ и во многихъ положеніяхъ и характерахъ дѣйствующихъ лицъ, увеличиваютъ достоинство этого произведенія. — *Аббадона*, какъ художническое произведеніе, превосходитъ *Клятву при гробѣ Господнемъ*. Главная идея этого Романа — представить художника въ борьбѣ съ мелочами жизни и ничтожностію людей. Оригинальность лицъ, живость и

занимательность разсказа, множество картинъ и описаній составляютъ достоинство Аббадоны. — *Послѣдній Новикъ, Лажечникова,* особенно занимателенъ по своему содержанію, по дѣйствующимъ въ немъ лицамъ, по пріятному слогу, по новости и оригинальности положеній; только авторъ слишкомъ близко подражалъ Валтеру-Скотту. — Но лучшее произведеніе Г. Лажечникова есть *Ледяной домъ.* — Этотъ новый Романъ его представляетъ въ поэтическомъ очеркѣ одну изъ примѣчательнѣйшихъ эпохъ нашей исторіи. — Эпоха, избранная авторомъ рамой для Романа, лица, ихъ дѣйствія — все имѣетъ основу историческую. Впрочемъ основная тема *Ледянаго дома* та же какъ и *Послѣдняго Новика:* какъ тамъ, такъ и здѣсь, борьба патріотизма съ внѣшними обстоятельствами. Но тутъ и конецъ сходству: другая эпоха, другіе характеры, другія обстоятельства. — Авторъ живо изобразилъ физіономіи нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ, Дворъ Анны Іоанновны съ придворными интригами; превосходно развилъ характеръ Волынскаго, его пламенный патріотизмъ, борьбу его съ властолюбивымъ Бирономъ, и въ то же время внутреннюю борьбу его патріотизма съ любовью. — *Постоялый дворъ, Степанова,* Романъ нра-

вописательный, — *Графъ Обоянскій*, Г. *Коншина*, также Романы, изданные *Г. Свиньинымъ*, имѣли заслуженный успѣхъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

УЧЕБНОЕ КРАСНОРѢЧІЕ.

§ 74. Учебное Краснорѣчіе употребляется въ *догматическихъ* или *ученыхъ* сочиненіяхъ, въ которыхъ предлагаются, или доказываются истины общеполезныя, служащія къ наученію ума, или образованію сердца. — Сочиненія сего рода раздѣляются: 1) на *разсужденія*, которыя занимаются обыкновенно одною отдѣльною истиною; 2) *учебныя книги*, въ которыхъ предлагаются многія истины въ системѣ и порядкѣ; и 3) *критики*, гдѣ разсматриваются совершенства и недостатки произведеній словесности.

Свойства учебнаго Краснорѣчія.

§ 75. Отличительными свойствами ученыхъ сочиненій должны быть: ясность и точность въ мысляхъ и слогѣ, порядокъ, правильность и чистота, единство, разсудительность и опредѣленность. — Всѣ ораторскія украшенія, служащія къ воспламенію страстей и воображенія, не имѣютъ

здѣсь мѣста. — Впрочемъ для того, чтобъ сей слогъ не былъ слишкомъ сухъ, однообразенъ и утомителенъ, позволяется автору употреблять историческія отступленія, примѣры и живопись характеровъ.

1. РАЗСУЖДЕНІЯ.

§ 76. Подъ *разсужденіемъ* разумѣется связное прозаическое сочиненіе, въ которомъ писатель объясняетъ, или доказываетъ теоретическую, или практическую истину. — Сія истина должна имѣть собственную важность, и можетъ относиться или къ наукамъ, или къ изслѣдованіямъ историческимъ. — *Содержаніе* разсужденія можетъ быть столь же многоразлично, сколько безчисленны предметы въ природѣ и наукахъ. — Самый способъ сочинять ихъ измѣняется безпрестанно по существу матеріи, по намѣренію автора; и смотря потому, требуетъ болѣе или менѣе остроумія, точности и строгости въ изслѣдованіяхъ.

Части разсужденія.

§ 77. Всякое разсужденіе требуетъ *плана*, или предварительнаго начертанія, по которому всѣ части его имѣютъ взаимную связь и порядокъ. — Сначала предлагается *вступленіе;* потомъ слѣдуетъ *изложеніе* самаго предмета посредствомъ доказательствъ, примѣровъ и проч.; наконецъ

читаете вы *заключеніе*, въ которомъ все цѣлое предлагается кратко, съ бо́льшею живостію и разительностію: это есть послѣдній взоръ писателя, который обнимаетъ все вдругъ и въ надлежащей связи, согласно съ его намѣреніемъ. — Всѣ сіи части разсужденія должны быть соединены искусными переходами отъ одной матеріи къ другой.

Слогъ разсужденія.

§ 78. *Слогъ* разсужденій измѣняется по излагаемымъ въ нихъ предметамъ. — Истины теоретическія, относящіяся преимущественно къ уму, излагаются слогомъ простымъ и яснымъ; объ истинахъ практическихъ, при поясненіи которыхъ хотятъ дѣйствовать на чувство и воображеніе, пишутъ языкомъ болѣе возвышеннымъ, цвѣтущимъ и благозвучнымъ.

Русскіе писатели.

§ 79. На отечественномъ языкѣ лучшія разсужденія писали: *Ломоносовъ*, *Карамзинъ*, *Муравьевъ*, *Филаретъ*, *Жуковскій*, *Гнѣдичъ*, *Батюшковъ*, *Шишковъ*, *Каченовскій* и нѣкоторые современные молодые писатели.

2. УЧЕБНЫЯ КНИГИ.

Содержаніе учебныхъ книгъ, и методы аналитическая и

§ 80. Когда догматическое разсужденіе не ограничивается одною истиною, но имѣетъ предметомъ своимъ послѣдствіе многихъ истинъ; тогда изъ него происхо-

синтетическая.

дляпъ *учебныя книги*, или *системы*, въ которыхъ всѣ части какого либо искусства, или науки, представляются въ такомъ порядкѣ, чтобъ онѣ могли подкрѣплять другъ друга, чтобъ послѣдующее зависѣло отъ предъидущаго и одно другимъ объяснялось. — Метода сего изложенія бываетъ двухъ родовъ: *Аналитическая* и *Синтетическая*. — Метода Аналитическая, ведущая отъ частныхъ замѣчаній ко всеобщимъ слѣдствіямъ, есть метода изобрѣтенія; Синтетическая же метода, называемая также математическою, или, по Вольфу, *scientifica*, болѣе полезна въ ученіи, потому что гораздо легче можно показать въ одномъ всеобщемъ положеніи многія частныя, его составляющія, нежели въ частныхъ случаяхъ и предложеніяхъ открывать новое и общее.

План и достоинство учебной книги.

§ 84. Каждая учебная книга, относящаяся къ искусству, или наукѣ, имѣетъ свою опредѣленную *цѣль*; должна быть расположена по *системѣ*, гдѣ бы разные предметы были приведены въ порядокъ, и гдѣ господствовало бы *единство*. — Вообще наука, противополагаясь всякому *отрывочному* познанію, непремѣнно требуетъ полноты. — И такъ сборъ свѣдѣній, въ которомъ нѣтъ порядка и связи, нужныхъ къ составленію цѣлаго, нѣтъ полноты предметовъ, не мо-

жетъ назваться наукою и составить учебную книгу. — Въ началѣ учебныхъ книгъ обыкновенно помѣщается *введеніе*, гдѣ знакомятъ читателей съ пользою и важностію предлагаемой науки.

Слогъ учебныхъ книгъ и употребленіе техническихъ словъ.

§ 82. *Слогъ* учебныхъ книгъ измѣняется по свойству излагаемыхъ наукъ; въ математическихъ ясенъ, простъ и краткокъ; въ естественныхъ принимаетъ нѣсколько живости; въ историческихъ, словесныхъ и нравственныхъ говоритъ сердцу и воображенію. — Въ каждой изъ наукъ употребляются принятыя уже *техническія* слова.

Слогъ руководствъ и лекцій.

§ 83. Краткія учебныя книги, содержащія въ себѣ главныя правила какой либо науки, называются *руководствами*, и должны быть предложены кратчайшимъ, яснымъ и правильнымъ слогомъ. — Въ нихъ особенно употребляется аналитическая метода. — Если же истины и наблюденія, относящіяся къ какой либо наукѣ, раздѣляются на особыя части; тогда сіи получаютъ названіе *Лекцій*. — Въ слогѣ ихъ, предполагающемъ изложеніе изустное, не приготовленное, господствуютъ живость и сила языка разговорнаго.

Начало дидактической прозы и писатели Греческіе.

§ 84. Дидактическая проза необходимо должна была позднѣе образоваться, нежели историческое искусство. Изъ поучитель-

СПбГУ

ныхъ стихотворческихъ произошли философскія системы: ибо извѣстно, что древніе Греческіе Философы умствовали въ стихахъ, даже и тогда, когда Греческая проза совсѣмъ отдѣлилась отъ Поэзіи. — Дидактическая проза особливо образовалась въ *Сократовой* школѣ, гдѣ она приняла форму разговора. — *Платонъ* открылъ новый путь, приближа Дидактическую прозу къ драмѣ. — Характеры Собесѣдовъ, съ которыми спорилъ Сократъ, отмѣнно начертаны; разнообразіе лицъ весьма занимательно; мы вводимся Платономъ какъ бы въ дѣйствительную бесѣду, часто пылкую и остроумную, по образу Сократа. — Богатствомъ и прелестію не можетъ сравниться съ Платономъ никто изъ древнихъ и новѣйшихъ писателей дидактическихъ. — Одинъ недостатокъ его избытокъ плодовитости, которая иногда затмѣваетъ его сужденіе. — Сей-то избытокъ часто завлекаетъ его въ аллегорію, вымыслы, въ энтузіазмъ и воздушныя страны таинственнаго богословія; — Философъ иногда теряется въ поэтѣ. — *Плутархъ*, о которомъ мы прежде упомянули, какъ объ отличномъ историкѣ и описателѣ жизней великихъ мужей, писалъ также о разныхъ предметахъ, относящихся къ Философіи и ученымъ предме-

памъ. — Онъ совершенно слѣдовалъ ученію Платона и Аристотеля, и, подобно первому изъ нихъ, излагалъ сочиненія свои въ видѣ разговоровъ; чѣмъ много способствовалъ къ содѣланію пріятнымъ по расположенію того, что не слишкомъ было привлекательно, или поучительно, по содержанію своему. — Примѣромъ сего служить могутъ: — *пиръ седми мудрецовъ* и *пиршественные вопросы*.

Изъ другихъ Греческихъ писателей въ дидактическомъ родѣ извѣстны: *Аристотель*, *Ксенофонтъ*, *Лонгинъ*, *Евклидъ*, *Архимедъ*, *Страбонъ*, *Птолемей*.

§ 85. Между Римскими писателями въ дидактическихъ сочиненіяхъ извѣстны: *Варронъ*, писалъ о Латинскомъ языкѣ; *Витрувій* объ архитектурѣ 10 ч.; *Катонъ* о земледѣліи; *Помпоній Мела* de situ orbis; *Плиній старшій* (*major*) Естественную исторію въ 37 книгахъ; а преимущественно *Цицеронъ*, къ важнѣйшимъ философскимъ сочиненіямъ котораго относятся: *Академическіе вопросы*, 3 книги о *существѣ боговъ*, 3 книги о *законахъ*, о *должностяхъ*, и два сочиненія о *старости и дружбѣ*. Во всѣхъ сихъ сочиненіяхъ Цицеронъ выражается какъ философъ-ораторъ: недоумѣваешь, болѣе ли онъ занимаетъ красотою изложенія, или

Римскіе дидактическіе писатели.

СПбГУ

силою разума, одушевляющаго его наставленія; — объ немъ то можно сказать: *omne tulit punctum, qui miscuit utile dulci.* Философскія творенія *Сенеки* показываютъ рѣдкую проницательность, и подаютъ множество случаевъ къ размышленію.

Отечественные писатели учебныхъ сочиненій.

§ 86. Изъ Русскихъ писателей, занимавшихся учебными сочиненіями, примѣчательны: *Ломоносовъ, Руловскій, Гурьевъ, Озерецковскій, Севергинъ, Севастьяновъ, Галалѣя, Страховъ, Никольскій, Подшиваловъ, Мерзляковъ, Борнъ, Соколовъ, Гречъ, Галичъ, Остолоповъ, Востоковъ, Рижскій, Давыдовъ, Глаголевъ, Кайдановъ, Кошанскій, Плаксинъ* и др.

3. КРИТИКИ.

§ 87. Критика обнимаетъ всѣ роды искусствъ и наукъ, имѣя цѣлію ихъ усовершенствованіе. Она есть примѣненіе правилъ какой либо науки, или искусства къ произведенію въ томъ родѣ, есть, нѣкоторымъ образомъ, родъ полиціи въ обществѣ ученыхъ, или литераторовъ. — Въ Критикѣ надлежитъ кратко представить: содержаніе разсматриваемаго творенія, сужденія о духѣ и цѣли его, также о расположеніи, слогѣ и мысляхъ, опредѣленіе достоинства сего творенія въ отношеніи къ другимъ, ему подобнымъ, порицаніе, или хвалу нѣко-

порыхъ мѣстъ, съ подробнымъ и удовлетворительнымъ ихъ разборомъ.

§ 88. Нѣкоторые писатели отличаютъ критику отъ рецензіи. — Первая относится къ словесности, а послѣдняя къ нравамъ и богословскимъ сочиненіямъ. — Сказать о какой либо системѣ, что она опасна, или опытомъ опровергнута, сказать о рѣчи, что она низка, или высокопарна, есть дѣло рецензента; но доказать это — дѣло критики. — И такъ опровергать что нибудь значитъ рецензировать; доказывать же, что оно ложно, значитъ критиковать. — Рецензенту всегда совѣтуютъ быть умѣреннымъ, а критику имѣть здравый вкусъ. Отличіе критики отъ рецензіи.

§ 89. Принявъ за основаніе истинной критики *здравый умъ и вкусъ*, всякой согласится, что критическія изслѣдованія открываютъ новыя истины, объясняютъ и очищаютъ прежнія, и вообще ведутъ къ совершенству. — Съ другой стороны истинная критика, по какой бы части наукъ ни была, есть вѣрный признакъ успѣховъ въ ней, есть зрѣлый плодъ глубокихъ познаній; ибо чтобъ критиковать, не только надобно имѣть предметъ, но имѣть полное и ясное понятіе о предметѣ разсматриваемаго твореніа. — А потому и несправедливо оправ- Польза истинной критики.

СПбГУ

даніе пѣхъ цѣнителей вкуса, кои говорятъ: *la critique est aisée, mais l'art est difficile.* Критика болѣе, или менѣе, трудна, смотря по предмету ея; часто легче бываетъ написать что нибудь свое, нежели открыть *совершенства* и *недостатки* въ чужомъ. — Я говорю совершенства и недостатки: ибо мало критиковъ, которые бы видѣли какъ то, такъ и другое. — Большая часть ихъ имѣютъ отрицательный вкусъ, т. е. находятъ одни недостатки. — Таковая критика сколько полезна, столько и вредна: ибо можетъ иногда остановить полетъ возникающихъ геніевъ.

Совершенства, необходимыя для истиннаго критика.

§ 90. Такъ какъ цѣлію критики должно быть усовершенствованіе той науки, или искусства, къ которымъ относится сочиненіе; посему право критики предоставляется не многимъ, пользующимся довѣренностію публики. — Истинный критикъ, при обширныхъ познаніяхъ и разборчивомъ вкусѣ, долженъ быть знакомъ со всѣми по той части образцовыми писателями, и наблюдать въ изложеніи своихъ мыслей разсудительность и спокойствіе, ясность, опредѣленность и благородство. — Онъ можетъ не имѣть того генія, какимъ природа надѣляетъ своего любимца; но тонкій вкусъ, проницательный умъ, чтеніемъ и упражне-

ніемъ образованные, могутъ замѣнить и даже спорить съ геніемъ. — Разборъ, по началамъ истинной критики и перомъ опытнымъ и искуснымъ написанный, есть самъ въ себѣ важное произведеніе, дѣлающее честь писателю своему, свидѣтельствующее о его талантахъ и вообще о успѣхахъ просвѣщенія въ его отечествѣ. — Таковъ разборъ поэмы Хераскова *Россіяды*, написанный Мерзляковымъ.

Безпристрастіе критики.

§ 91. Совершенный критикъ, имѣющій въ виду разсматривать новыя сочиненія, опредѣлять цѣну и внутреннее ихъ достоинство, показывать нравственную ихъ пользу и вліяніе на отечественное просвѣщеніе, долженъ поставлять священною для себя обязанностію быть *безпристрастнымъ*. — Онъ долженъ быть безъ партій, безъ друзей, безъ покровителей, безъ моды; или, точнѣе сказать, безъ предубѣжденія и безъ предразсудковъ. — Когда онъ критикуетъ; то долженъ смотрѣть на сочиненіе, а не на сочинителя, — долженъ отличать произведеніе истиннаго таланта, имѣющаго въ виду пользу просвѣщенія и благо отечества, отъ порожденія суетной самонадѣянности, дерзкой предпріимчивости и низкаго корыстолюбія. — Критикъ не долженъ быть также эхомъ похвалъ, кои-

ми нерѣдко осыпаетъ публика новаго моднаго писателя, своего любимца; равномѣрно долженъ быть умѣренъ и въ порицаніи. — Похвала пристрастная вредна для словесности; но хула пристрастная не только вредна для ней, но и для охуждаемаго. — Вообще критика, на нарочномъ умыслѣ, на зависти, или злобѣ основанная, есть преступленіе противъ законовъ чести и достоинства изящной словесности.

Тонъ и слогъ критики, и писателя.

§ 92. Соотвѣтственно благородной цѣли и *языкъ* критики долженъ быть благороденъ, опредѣлителенъ; сужденія основательны, утверждены на доказательствахъ несомнѣнныхъ. — Хотя *тонъ* критики и измѣняется по предмету ея, ибо нельзя говорить одинаково о Ломоносовѣ и о какомъ нибудь Вадіусѣ; при всемъ томъ не приличенъ ей тонъ рѣшительный, диктаторскій. — Наша литература не богата отличными критиками. — Впрочемъ хорошими критическими разборами занимались: *Карамзинъ*, *Шишковъ*, *Макаровъ*, *Качеовскій*, *Жуковскій* и *Батюшковъ*. — Лучшимъ же критикомъ у насъ почитается *Мерзляковъ*, котораго разборы трагедій *Сумарокова*, *Княжнина*, *Озерова* и другихъ могутъ быть читаны съ особенною пользою. — Нѣкоторыя критическія статьи *Булгарина*

и замѣчанія его на X и XI томы Карамзина написаны съ основательностію и благонамѣренностію. — Сверхъ того характеристику нѣкоторыхъ нашихъ прозаиковъ и поэтовъ отчетливо изобразили *Князь Вяземскій* и *Плетневъ*.

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

ОРАТОРСКОЕ КРАСНОРѢЧІЕ.

§ 93. Краснорѣчіе Ораторское употребляется, въ такъ называемыхъ, Ораторскихъ рѣчахъ. — Подъ *Словомъ*, или *Рѣчію*, въ тѣсномъ смыслѣ, разумѣется сочиненіе, назначенное къ изустному произношенію и имѣющее цѣлію научить умъ, возбудить чувства, воспламенить воображеніе и склонить волю слушателей, дѣйствуя всѣми средствами краснорѣчія. — Завидный талантъ составлять такого рода сочиненія, соединенный съ способностію произносить ихъ пріятно и убѣдительно, называется вообще *Краснорѣчіемъ*; обладающій всѣми дарованіями, для того потребными, именуется *Ораторомъ* или *Витіею*. Опредѣленіе Ораторской рѣчи, въ тѣсномъ смыслѣ взятой.

§ 94. Надобно очень различать каѳедру Философскую отъ каѳедры Ораторской. — Различіе между Краснорѣчіемъ учеб-

ным и Ораторским.

Съ одной говорящъ уму, съ другой сердцу; съ одной предлагаются истины, просвѣщающія умъ, а съ другой возбуждающія страсти. — Впрочемъ сіи два рода Краснорѣчія не рѣдко входятъ одинъ въ другой: часто мы приходимъ къ сердцу чрезъ умъ, а къ уму чрезъ сердце. — Только въ Философскомъ разсужденіи авторъ скрываетъ собственную свою личность, а въ Ораторской рѣчи онъ бываетъ дѣйствующимъ лицемъ.

Три главнѣйшія цѣли Оратора.

§ 95. Въ Словѣ, или Рѣчи, заключаются три намѣренія Оратора: *ученіе*, *убѣжденіе* и *искусство тронуть слушателя*. — Всѣ сіи намѣренія должны быть соединены въ одно, и служить другъ другу взаимнымъ пособіемъ. — Представляя предметъ со всею ясностію и подробностію, онъ научаетъ; и въ тоже время убѣждаетъ разумъ силою, справедливостію, или, по крайней мѣрѣ, вѣроятностію своихъ доводовъ. Ученіе и убѣжденіе дѣйствуютъ въ тоже время на нашу волю, заставляютъ насъ принять участіе въ предметѣ, предлагаемомъ Ораторомъ.

Части Ораторской рѣчи.

§ 96. При единствѣ предмета, Рѣчи Ораторскія составляются изъ отдѣльныхъ частей. — Сіи *части* суть: 1) *вступленіе*, 2) *изложеніе предмета* и его *объясненіе*, 3)

доказательства, 4) *возбужденіе страстей* и 5) *заключеніе*.

§ 97. *Вступленіе* (exordium) должно быть просто. — Оно не должно слишкомъ далеко начинаться отъ главной матеріи, и не должно близко подходить къ ней. — Таковы правила, предлагаемыя для вступленія простою Риторикою. — Но литераторъ-философъ не довольствуется повтореніемъ за Квинтиліаномъ и Цицерономъ всѣхъ сихъ предписаній: онъ хочетъ видѣть основанія ихъ, и вопрошаетъ объ этомъ природу нашей души.

§ 98. Мы примѣчаемъ, что одна и та- Поленіе прежняго положенія.
же вещь, при извѣстномъ мыслей расположеніи, дѣйствуетъ на насъ сильнѣе, а при другомъ слабѣе. — Скажите одно оскорбительное слово человѣку озлобленному, или приведенному въ гнѣвъ, оно покажется ему величайшею обидою. — Но оскорбите несравненно болѣе того же самаго человѣка, когда онъ веселъ, онъ вамъ проститъ. — Дайте несчастному малѣйшую тѣнь подозрѣнія, онъ увеличитъ ее, и представитъ себѣ ужасною. — Такимъ-то образомъ предъидущее расположеніе души способствуетъ, или вредитъ настоящему впечатлѣнію. — Вы хотите исторгнуть у слушателей слезы: наклоняйте сердца ихъ постепенно къ

печали, пригоповьше къ сему ихъ, и не дѣлайше имъ внезапныхъ переломовъ. — И вотъ на чемъ основывается вступленіе.

Опредѣленіе вступленія.

Оно есть *введеніе, или приготовленіе души къ тѣмъ понятіямъ, которыя Ораторъ ей хочетъ внушить, или къ тѣмъ страстямъ, которыя въ ней онъ хочетъ возбудить.* — Отсюда сами собою выходятъ всѣ правила для вступленія.

Три условія, наблюдаемыя во вступленіи.

§ 99. Оно должно быть 1) *просто*; ибо мудрить въ приготовленіи не есть пояснять свои понятія, но затмѣвать ихъ. — Въ продолженіи слова можно принять тонъ возвышенный, можно взойти къ истинамъ отвлеченнымъ; но надобно прежде познакомиться съ своимъ слушателемъ, пріучить его за собою слѣдовать. — И такъ всѣ вступленія тонкія и метафизическія порочны въ истинномъ Краснорѣчіи. — 2) Горацій смѣется надъ пышными и много обѣщающими вступленіями, надъ сими: *fortunam Priami cantabo et nobile bellum.* — Онъ присоединяетъ къ этому причину: *Quid enim dignum feret tanto hic promissor hiatu? parturiunt montes, nascetur ridiculus mus.* — Онъ называетъ *fumum ex fulgore* всѣ невыдержанныя творенія, коихъ голова убрана слишкомъ великолѣпно, и тѣмъ самымъ все прочее обезображено. — Въ самомъ дѣлѣ сдѣ-

лать столь великолѣпное начало значитъ обязаться показать въ послѣдствіи что нибудь большее. — Но вообще примѣчено, что заставитъ много отъ себя ожидать, есть вѣрный способъ упасть. — 3) Мы опредѣлили вступленіе чрезъ введеніе къ страстямъ, а не чрезъ возбужденіе ихъ. — Страсть не всегда начинается страстію, и часто слушатель полагается въ началѣ холоднымъ. — Правда, что Ораторъ вступаетъ на каѳедру съ горящимъ уже́ сердцемъ; ибо связь его понятій началась уже́ давно, и онъ стóитъ теперь на той точкѣ, гдѣ дѣйствуетъ страсть; но слушатель отъ нея еще удаленъ, надобно его ввести въ чуже систему понятій, и потóмъ уже́ развернуть его страсти. — Отсюда выходитъ третіе правило для вступленія: *надобно слегка только касаться страстнаго во вступленіи, и никогда не раскрывать въ немъ совершенно всей матеріи.*

§ 100. Не рѣдко самыя *обстоятельства* служатъ введеніемъ къ мысли Оратора. — Ясно, что тогда все приготовленіе со стороны его излишне, и обыкновенныя правила вступленія не у мѣста. — Надобно только найти истинную точку понятій, на которую обстоятельства привели слушателей и умѣть начать ни прежде, ни да-

Вступленіе иногда начинается отъ обстоятельствъ.

СПбГУ

лѣе ея? — Катилина входитъ въ Сенатъ; сенаторы оставляютъ свои мѣста и съ негодованіемъ отъ него удаляются. — Вотъ точка, съ которой начать должно! — Цицеронъ уловляетъ ее, бросается на каѳедру и поражаетъ Катилину сими словами: *Quousque tandem, Catilina, abutêre patientiâ nostrâ? et caet.* Здѣсь обстоятельства все приготовили, и удаленіе сенаторовъ отъ мѣстъ своихъ есть лучшее вступленіе для искуснаго Оратора. — Онъ охладилъ бы страсть, еслибъ началъ далѣе. — Таковы суть, по большей части, обстоятельства Надгробныхъ Рѣчей. — Уныніе предстоящихъ, гробница — эта мрачная одежда, всѣхъ покрывающая, вотъ вступленіе! Надобны только Боссюэтъ и Флешье, которые умѣли бы симъ воспользоваться. — Массильіонъ предлагаетъ текстъ: *Тогда сидетъ сынъ человѣческій во славѣ своей судити коемуждо по дѣломъ.* — Довольно сего, чтобъ поразить ужасомъ слушателей — и вотъ вступленіе! Ораторъ не начинаетъ его, но продолжаетъ сими словами: «Вѣрите ли вы, «слушатели, этому ужасному суду? Если вы «вѣрите, то размышляете ли о немъ? Если «вы о немъ размышляете, прилагаете ли вы «его къ вашему жребію?» И по этой при-

чинѣ вступленія сіи называются вступленіями *ex abrupto*.

§ 101. *Изложеніе предмета* должно быть краткo и ясно; ибо отъ него зависитъ ясность всей рѣчи; цѣль же *объясненія* есть сообщить слушателямъ сообразное съ намѣреніемъ Оратора понятіе о предметѣ, или мысли, въ истинѣ или важности которыхъ онъ хочетъ убѣдить ихъ. — Бываютъ случаи, гдѣ точное объясненіе предмета замѣняетъ всѣ прочія доказательства. Цѣль изложенія и объясненія предмета.

§ 102. *Доказательства*, говоритъ Роллень, въ словѣ суть то же, что кости и жилы въ тѣлѣ. — Круглость, бѣлизна, живость членовъ, составляютъ красоту тѣла, но не силу и твердость. — Доказательства могутъ быть: a) основанныя на очевидности, или аксіомы, b) выведенныя изъ опыта, c) употребляемыя по аналогіи, или по сходству предмета съ другими, и d) наконецъ историческія, или извлеченныя изъ преданій, не подверженныхъ сомнѣнію. — При чемъ наблюдаются сіи общія правила: 1) *Всѣ доказательства слишкомъ отдаленныя порочны въ истинномъ Краснорѣчіи*: онѣ дѣлаютъ честь уму, но означаютъ недостатокъ благоразумія. — 2) *Доказательства слишкомъ обыкновенныя не должны быть въ истинномъ Краснорѣчіи*. — Правда, Доказательства и условія, наблюдаемыя при употребленіи ихъ.

бываютъ предметы, или матеріи, о которыхъ трудно сказать что нибудь новое; но если нельзя быть всегда новымъ по предмету слова, всегда можно быть таковымъ по обороту и выраженію. — 3) *Должно умѣть располагать и связывать доводы между собою.* — Въ началѣ представлять слабѣйшіе, а потомъ переходить къ сильнѣйшимъ; но переходить нечувствительно; иначе Рѣчь потеряетъ единство, и вниманіе слушателей будетъ развлечено.

Что разумѣется подъ возбужденіемъ страстей.

§ 103. *Возбужденіе страстей* есть самое важное дѣло Оратора, желающаго обладать сердцами своихъ слушателей. — Истощивъ доводы, дѣйствующіе на умъ, онъ употребляетъ всѣ средства Краснорѣчія на то, чтобъ плѣнить ихъ воображеніе, тронуть сердце, потрясти душу, и, возбудивъ въ нихъ страсть, соотвѣтствующую его намѣреніямъ (жалость, гнѣвъ и т. п.,) довершить дѣйствіе своей рѣчи.—Вообще подъ *страстнымъ* въ словѣ разумѣютъ то мѣста, гдѣ сердце Оратора говоритъ сердцу слушателей, гдѣ воображеніе воспламеняется воображеніемъ, гдѣ восторгъ рождается восторгомъ. — Такимъ образомъ въ самомъ опредѣленіи страстнаго заключается наилучшее, и, можетъ быть, главное условіе для произведенія его, то есть: Ораторъ долженъ быть самъ по-

раженъ спрастію, когда хочешъ родить ее, въ слушателяхъ. — *Si vis me flere, primum ipsi tibi dolendum est; tunc tua me infortunia laedent.* — Horat. Ars Poëtica.

Основанія спрастей и степени ихъ.

§ 104. Стихіи, изъ коихъ состављются спрасти, суть *чувствительность и воображеніе.* — Чувствительность полагаетъ въ насъ первыя ихъ искры; воображеніе какъ бы раздуваетъ ихъ, и производитъ сей пламень, объемлющій сердце. — Чувствительность имѣетъ разныя степени, которымъ соотвѣтствуютъ, и, можетъ быть, отъ нихъ зависятъ степени воображенія. — Изъ различнаго же сопряженія родовъ чувствительности и воображенія происходятъ различные роды спрастей. — Спрасти *порывистыя и сильныя* происходятъ отъ чувствительности глубокой и воображенія пламеннаго. — Одинъ и тотъ же человѣкъ можетъ имѣть спрасти *сильныя* и вмѣстѣ *нѣжныя*; но только не въ равной степени. — Одинъ который нибудь родъ ихъ будетъ всегда имѣть верхъ. — Отъ этого происходитъ, что въ каждомъ писателѣ владычествуетъ который нибудь родъ спрастей. — Ломоносовъ вездѣ горитъ и силенъ даже въ бездѣлкахъ. — Онъ хочетъ писать въ родѣ Анакреона; но перо, какъ бы пропивъ его воли, измѣняетъ ему, и

СПбГУ

онъ нечувствительно берется за любимую свою кисть, и сильнымъ почеркомъ, вмѣсто красавицы, изображаетъ намъ Россію. — Самая любовь у него говоритъ языкомъ Ироевъ, и роль его Семиры есть наилучшая ода. — Можно ли съ большею живостію, съ большимъ жаромъ описать битвы и сраженія, какъ писалъ онъ? — Это потому, что здѣсь душа его говорила природнымъ своимъ языкомъ, и страсть водила его руку. — Такимъ-то образомъ владычествующая страсть противъ воли нашей вырывается всегда, и нечаянѣе непримѣтно наши писанія. — Счастливъ, кто знаетъ характеръ своей страсти, и умѣетъ такъ избирать свои предметы, что всегда она находитъ въ нихъ свое естественное мѣсто безъ принужденія и напряжки!

Условія для заключенія Ораторской Рѣчи.

§ 105. *Заключеніе* составляетъ пятую и послѣднюю часть Ораторской Рѣчи. — Дѣлать заключенія сухія и холодныя значитъ терять плодъ своего слова. — Собственно говоря, рѣчь не что иное есть, какъ приготовленіе слушателей къ совершенному убѣжденію. — Слушатель въ продолженіи ея былъ движимъ страстію. — Сердце его, ослабѣвшее отъ этого потрясенія, готово уже сдаться. — И симъ-то расположеніемъ его искусныйОраторъ пользуетъ-

СПбГУ

ся. — Съ другой стороны заключенія слабыя даютъ случай подозрѣвать, что Ораторъ самъ подавленъ своимъ предметомъ. Сія, такъ сказать, усталость Оратора сообщается и слушателямъ. — Они перестаютъ думать о убѣжденіи; они раздѣляютъ съ нимъ трудность, которую онъ столь не искусно даетъ имъ видѣть; и, по окончаніи рѣчи, остаются столько же равнодушны, какъ и при началѣ.

Замѣчаніе о заключеніяхъ въ рѣчахъ Цицерона.

§ 106. *Цицеронъ* особливо превосходенъ съ заключеніяхъ. Онъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что когда многимъ ораторамъ должно было защищать одно дѣло, ему всегда предоставляли заключеніе. Мои, продолжаетъ онъ, успѣхи въ этой части должны менѣе быть приписаны размышленію моего ума, сколько изліяніямъ моего сердца и живымъ чувствіямъ соболѣзнованія моего. — «*Quid ego de miserationibus dicam, quibus ego «sum usus pluribus, quod etiamsi plures dicebamus, perorationem tamen mihi omnes relinquebant, in qua, ut viderer, excellere me non ingenio, sed dolore assequebar.*» — Заключеніе рѣчи Цицерона *Pro Milone* написано съ необыкновеннымъ чувствомъ, такъ что, еслибъ не было никакихъ другихъ причинъ дѣлать заключеніе живое, разительное; то

одно это мѣсто Цицероново побудило бы постановить сіе правило.

Раздѣленіе Рѣчей.

§ 107. Всѣ извѣстныя у насъ Ораторскія Рѣчи, по предметамъ своимъ, раздѣляются на *Духовныя* и *Свѣтскія*. — Къ духовнымъ сочиненіямъ, пребующимъ основательнаго познанія во всѣхъ частяхъ Богословія, относятся: *Проповѣди* и *Надгробныя Слова*, а къ свѣтскимъ: *Академическія*, *Похвальныя*, *Судебныя* и *Политическія Рѣчи*.

1. ПРОПОВѢДИ.

§ 108. *Проповѣдь* есть рѣчь Церковная, имѣющая предметомъ наставленіе Христіанъ въ ученіи Христовомъ. — Ученіе же Христіанское раздѣляютъ на *догматическое и нравственное*. — Къ первому относятся всѣ истины откровенія, превышающія нашъ умъ; таковы суть: Зачатіе отъ Дѣвы Сына Божія, Его воплощеніе и Его воскресеніе и проч. Сочинить Проповѣдь о какомъ нибудь догматѣ значитъ собрать мѣста, его утверждающія; ибо что другое здѣсь можно сказать, какъ не подтвердить писаніе писаніемъ? — Разумъ не смѣетъ сюда внести священнаго свѣтильника. — Подъ нравственнымъ Христіанскимъ ученіемъ разумѣются сіи истины очищенной нравственности, которую проповѣдовалъ со-

шедшій во Іудею вселенныя Богъ. — Сіи нравственныя истины суть просты и извѣстны всѣмъ. — И такъ слушатель приходитъ въ церковь съ готовою истиною; но эта истина въ немъ мертва; дѣло проповѣдника оживитъ ее. — Слушатель можетъ чувствовать ее, но не чувствуетъ: дѣло проповѣдника заставитъ ее чувствовать, — возбудитъ въ немъ страсти и говоритъ его сердцу.

Преимущество церковнаго Краснорѣчія предъ свѣтскимъ.

§ 109. Духовное Краснорѣчіе имѣетъ нѣкоторыя выгоды предъ свѣтскимъ. — Церковная каѳедра есть, по выраженію д' Аламберта, ѳеатръ великихъ страстей. — Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ можно съ большею приспѣшностію раскрыть весь ужасъ порока, какъ въ церковномъ словѣ? — Ораторъ здѣсь повсюду имѣетъ въ глазахъ своихъ великіе предметы; наше счастіе, наши надежды, наше будущее, сокровенное нашего сердца все ввѣрено его слову. — Духовный витія самъ по себѣ уже есть, или, по крайней мѣрѣ, долженъ быть особою возвышенною надъ людьми обыкновенными; онъ есть посредникъ между небомъ и землею; а самое мѣсто, на немъ же стоятъ и витія и слушатели, есть мѣсто священное, осѣняемое присутствіемъ Всевышняго. — Сверхъ того церковный ораторъ, никѣмъ непрерываe-

мый въ собраніи, можетъ сохранить все присутствіе духа; онъ не встрѣчаетъ возраженій.

Слогъ Проповѣдей и произношеніе ихъ.

§ 110. *Слогъ Проповѣдей*, имѣющихъ главною цѣлію убѣдительность, бываетъ торжественъ, благороденъ, величественъ; и текстны Священнаго Писанія, когда-нибудь употребленные, дѣлаютъ Проповѣдь божественнымъ словомъ. — Сильный и сильный слогъ приличенъ Проповѣдямъ наипаче въ тѣхъ случаяхъ, когда проповѣдникъ имѣетъ въ виду отвратить слушателей отъ порока и вдохнуть любовь къ добродѣтели; здѣсь-то прилично ему гремѣть и поражать, вносить въ души слушателей смущеніе и ужасъ, дабы исторгнуть ихъ изъ объятій грѣха, и возродить въ нихъ новыя Христіанскія чувствія чистоты и непорочности; произношеніе и выговоръ его должны быть сообразнѣйшія съ мыслію и лицемъ.

Происхожденіе Проповѣдей и знаменитые иностранные проповѣдники.

§ 111. При паденіи Римской Имперіи, распространеніе Христіанской Вѣры и защищеніе ея подали поводъ *къ Проповѣдямъ*. — Между церковными пастырями Западной Церкви отличались чистотою слога *Лактанцій* и *Минуцій Феликсъ*; а послѣ нихъ еще болѣе показали богатство ума и воображенія въ твореніяхъ своихъ *Тертулліанъ*, *Амвросій*, *Кипріанъ* и особенно *Св.*

Августинъ. — Изъ Греческихъ проповѣдниковъ извѣснѣйшіе: *Василій Великій* и особенно *Іоаннъ Златоустъ;* слогъ ихъ чистъ, красивъ, обиленъ и прогашеленъ. — Изъ Французскихъ проповѣдниковъ *Массильйонъ*, *Бурдалу* и *Боссюэтъ*, обратили на себя своими проповѣдьми вниманіе всей Европы. — Изъ Нѣмецкихъ проповѣдниковъ *Мозгеймъ* наиболѣе соотвѣтствуетъ понятію истиннаго духовнаго Краснорѣчія. — Онъ весьма простъ; но самая эта простота убѣдительнѣе всякаго пышнаго Краснорѣчія. — Онъ приближается къ Массильйону, которому отчасти и подражалъ; что видно изъ его слова: *какъ должно разсуждать о смертіи?* (смотрите перев. Каченовскаго).

Начало Проповѣдей въ Россіи и извѣснѣйшіе отечественные проповѣдники.

§ 442. Въ нашемъ отечествѣ, со введенія Христіанской Вѣры, были въ церквахъ произносимы поученія духовными особами; но только со временъ Симеона Полоцкаго, по примѣру Польскихъ священниковъ, начали и у насъ церковные пастыри читать въ церквахъ Проповѣди собственнаго сочиненія. — Вообще въ Россіи духовное Краснорѣчіе всегда имѣло преимущество предъ свѣтскимъ. — Изъ проповѣдниковъ нашихъ особенно достойны уваженія: *Ѳеофанъ*, *Гедеонъ*, *Платонъ*, *Анастасій*, *Георгій*, про-

тоіерей *Леванда*, *Августинъ*, *Михаилъ*, *Аврсосій*, *Евгеній* и др. (*) Нынѣ извѣстны проповѣди Митрополита *Филарета* и протоіереевъ *Баженова* и *Малова*.

Примѣчаніе. Наблюдая творенія нѣкоторыхъ нашихъ проповѣдниковъ, мы замѣчаемъ, что одни изъ нихъ особенно убѣждаютъ разумъ: — *Ѳеофанъ*, *Гедеонъ* и *Филаретъ*; другіе дѣйствуютъ на воображеніе, чувство и страсти: — *Анастасій*, *Леванда*, *Августинъ*; иные же произносили какъ бы вдохновенные: — *Платонъ*, *Михаилъ*.

2. НАДГРОБНЫЯ СЛОВА.

§ 113. *Надгробныя Слова*, по обыкновенію нашихъ временъ, произносимыя въ церквахъ при погребеніи знаменитыхъ или своими заслугами и достоинствами, или своимъ рожденіемъ и состояніемъ особъ, всегда содержатъ въ себѣ похвалу усопшаго, но такъ, что эта похвала составляетъ или цѣлое слово, или нѣкоторую его часть.

Въ первомъ случаѣ они почти совсѣмъ неразличны отъ Слова Похвальнаго, во второмъ же весьма сходствуютъ съ Проповѣдью. — Лучшіе примѣры сихъ Словъ до-

(*) О достоинствѣ твореній образцовыхъ нашихъ проповѣдниковъ показано въ Исторіи Русской Литературы.

казываютъ, что они требуютъ опличнаго таланта; пишутся слогомъ сильнымъ, возвышеннымъ, страстнымъ, и пропомъ съ такимъ краснорѣчіемъ, которое, будучи произведеніемъ быстраго и стремительнаго воображенія, весьма близко къ стихотворному. — *Θеофанъ*, *Анастасій*, *Леванда*, *Августинъ*, *Филаретъ*, предстпавили намъ превосходные образцы Надгробныхъ Словъ.

3. АКАДЕМИЧЕСКІЯ РѢЧИ.

Предметъ Академическихъ Рѣчей, слогъ ихъ и писатели.

§ 114. *Рѣчи Академическія*, называемыя иногда *торжественными* (orationes solemnes), произносятся въ ученыхъ сословіяхъ, при особенныхъ случаяхъ; а иногда относятся къ какимъ либо предметамъ наукъ и Литературы. — Въ Рѣчахъ Академическихъ, или вообще ученыхъ, когда содержаніе ихъ есть предметъ науки, возвышенность *слога* наблюдается только во вступленіи и заключеніи, то есть, тамъ, гдѣ оратоpъ говоритъ о поводѣ и случаѣ своей Рѣчи; остальная ея часть пишется слогомъ разсужденія. — Но если предметъ ученой Рѣчи не взятъ изъ какой нибудь науки, но заключаетъ въ себѣ истину общую и нравственную; то и слогъ ея возвышеннѣе и ровнѣе. Прекраснымъ образцомъ сего рода Рѣчей можетъ быть *Рѣчь*, *произнесенная*

СПбГУ

Карамзинымъ въ собраніи Россійской Академіи, Декабря 5 дня, 1818 года. — Рѣчи *Уварова, Мерзлякова, Каченовскаго,* и вообще изданныя Рѣчи многихъ профессоровъ Московскаго Университета, могутъ служить примѣрами Академическихъ Словъ.

4. ПОХВАЛЬНЫЯ СЛОВА.

§ 115. *Панегирики,* или *Похвальныя Слова,* произносятся въ честь знаменитымъ особамъ, живымъ, или умершимъ, съ тѣмъ, чтобъ представить ихъ образцами Христіанскихъ и гражданскихъ добродѣтелей, заслуживающихъ подражаніе. — *Для похвалы* не требуется разсматривать всю жизнь прославляемаго лица. — Ораторъ старается только отличить, возвысить и достойнымъ образомъ восхвалить одни блистательныя его качества, представивъ живую картину его характера. — *Слогъ* Похвальныхъ Словъ долженъ отличаться благородствомъ, силою, полнотою, торжественностію. — Вообще въ сочиненіяхъ сего рода является вся сила, все великолѣпіе краснорѣчія, переходящаго изъ предѣловъ прозы въ область поэзіи, не заимствующаго мысли и картины не изъ одного воображенія, а преимущественно изъ вѣчныхъ свойствъ души человѣческой и Исторіи.

Образцы Похвальныхъ Словъ на Русскомъ языкѣ.

§ 116. Два *Похвальныя Слова Петру Великому и Елисаветѣ Петровнѣ*, написанныя Ломоносовымъ, предоставляютъ превосходные образцы Краснорѣчія Русскаго. — Читая прекрасную прозу сего незабвеннаго писателя, плѣняешься спокойными и звучными періодами, удивляешься изящности речений, имѣешь большее чувствуемъ къ нему уваженіе, что онъ самъ былъ творцемъ своего краснорѣчія. — Въ Похвальномъ Словѣ Императрицѣ Елисаветѣ вящія прославляетъ добродѣтели сей Государыни: благочестіе, мужество, великодушіе, мудрость, человѣколюбіе, щедрость. — Каждая добродѣтель показана въ особливой части, и всѣ сіи части, искусными переходами соединенныя одна съ другою, составляютъ содержаніе Похвальнаго Слова. — Изъ простой мысли, что всѣ обитатели Россіи веселятся въ день восшествія на престолъ Елисаветы, и прославляютъ ея благодѣянія, Ломоносовъ умѣлъ составить великолѣпный приступъ, роскошно убранный цвѣтами Краснорѣчія, изобилующаго картинами, и плѣняющаго слухъ звучностію и полнотою періодовъ. — Похвальное Слово Петру Великому, при всемъ богатствѣ мыслей и искусномъ расположеніи періодовъ, кажется, не такъ тщательно обработано, смогъ не вездѣ

правиленъ, и вообще тонъ Краснорѣчія не всегда удачно выдержанъ. — Здѣсь Ломоносовъ иногда повторяетъ любимую мысль, иногда низко опускается съ высоты слога, какъ на прим: *За великія къ отечеству заслуги названъ онъ отцемъ отечества; однако мало ему титула;* — или; *обучить новому артикулу.* — Иногда же, хотя и весьма рѣдко, употребляетъ слова и обороты иностранные, какъ на прим: *Ничто есть толь похвально, какъ . . . .* или *войско къ регулярству пріобыкшее.* — Не смотря на то, слогъ Ломоносова всегда будетъ образцовымъ въ родѣ краснорѣчія великолѣпнаго, роскошнаго, цвѣтущаго. — По отзывамъ даже самаго Французскаго панегириста Томаса, при всемъ предубѣжденіи его о Россіи, въ Похвальныхъ Словахъ Ломоносова, есть *истинное, благородное Краснорѣчіе.* — Замѣчательныя *Похвальныя Слова Императору Александру* написаны Мерзляковымъ и Княземъ Ширинскимъ-Шихматовымъ. — *Похвальное Слово Екатеринѣ II,* Карамзина, одушевлено болѣе нѣжнымъ, привлекательнымъ, нежели торжественнымъ, возвышеннымъ Краснорѣчіемъ.

5. СУДЕБНЫЯ И ПОЛИТИЧЕСКІЯ РѢЧИ.

§ 117. *Рѣчи политическія* заключаютъ въ себѣ изложеніе предметовъ, касающихся

до управленія государствомъ, а *Судебныя* обвиненіе преступника и оправданіе невиннаго. — Политическое краснорѣчіе существуетъ въ государствахъ представительныхъ, — а судебное тамъ, гдѣ судъ производится всенародно. — Политическихъ Рѣчей у насъ не много.

Отличительныя свойства рѣчей народныхъ и воинскихъ съ приведеніемъ примѣровъ.

§ 118. Сверхъ того есть Рѣчи *воинскія* и *народныя*. — Рѣчи, обращаемыя къ просвѣщенному народу, при естественности своей, должны какъ бы отзываться тѣми народными звуками, кои всегда найдутъ отголосокъ въ сердцахъ поселянъ. — Воинскія рѣчи должны отличаться быстротою и силою, какъ качествами, отличающими истиннаго воина; притомъ живость, строгій воинскій тонъ и краткость въ нихъ всегда господствуютъ. — Цесарь, донося Римскому Сенату о побѣдѣ надъ Фарнакомъ, употребилъ только три слова: *veni, vidi, vici*. — Рѣчь Генриха IV предъ сраженіемъ Иврійскимъ можетъ быть примѣромъ быстроты и живости. — Онъ говорилъ воинамъ: *я вашъ Король, вы Французы; вотъ непріятель, нападемъ!* — Примѣромъ краткости можетъ также служить слѣдующій рескриптъ Императора Павла 1го: *Графъ Александръ Васильевичъ! Спокойствіе Европы требуетъ присутствія*

«вашего въ арміи: пріѣзжайте къ намъ по-«скорѣе». — Отвѣтъ Суворова на сей рескриптъ былъ слѣдующій: *Тотчасъ упаду къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества.* — Но можно ли при семъ случаѣ не упомянуть о той замѣчательной Рѣчи, которую Петръ Великій произнесъ къ воинамъ предъ Полтавскою битвою? «Вон-«ны, говорилъ Монархъ-герой, ее пришелъ «часъ, который долженъ рѣшить судьбу «отечества. — И такъ не должны вы по-«мышлять, что сражаетесь за Петра, но «за Государство, Петру врученное, за родъ «свой, за отечество, за православную Вѣру «и Церковь. — Не должна васъ также сму-«щать слава непріятеля, будто бы непо-«бѣдимаго, ибо она ложна: вы сами доказа-«ли сіе неоднократно своими надъ нимъ «побѣдами. — Имѣйте въ сраженіи предъ «очами вашими правду и Бога, поборающа-«го по васъ, на него единаго, яко Всесильнаго «во бранѣхъ уповайте, а о Петрѣ вѣдайте, «что ему жизнь его не дорога, только бы «жила Россія, благочестіе, слава и благо-«состояніе ваше».

Принадлежности и содержаніе краткихъ рѣчей, называемыхъ Привѣтствіями.

§ 119. Краткія Рѣчи, поздравительныя и тому подобныя, могутъ назваться *Привѣтствіями.* — Въ нихъ нѣтъ возвышенности и строгой правильности Рѣчей по-

хвальныхъ: чувство, живость и естественность оборотовъ придаютъ имъ особенную цѣну. — Впрочемъ, какъ въ сихъ Рѣчахъ, такъ и во всѣхъ прочихъ, должно помнить золотое Квинтиліаново правило: *cura verborum, olli citudo rerum.* — Прекраснымъ примѣромъ краткаго Привѣтствія можетъ служить *Рѣчь Императору Николаю I предъ вшествіемъ въ Успенскій соборъ, въ 29 день Сентября, 1830 года.* — «Благо-«честивѣйшій Государь! Цари обыкновен-«ные любятъ являться Царями славы, «чтобъ окружить себя блескомъ торже-«ственности, чтобъ принимать почести. — «Ты являешься нынѣ среди насъ, какъ Царь «подвиговъ, чтобы опасности съ народомъ «Твоимъ раздѣлять, чтобы трудности «препобѣждать. — Такое Царское дѣло выше «славы человѣческой; поелику основано на «добродѣтели Христіанской. — Царь небес-«ный провидитъ сію жертву сердца Тво-«его, и Милосердый хранитъ Тебя и долго-«терпѣливо щадитъ насъ. — Съ крестомъ «срѣтаемъ Тебя, Государь, да идетъ съ То-«бою воскресеніе и жизнь!»

Филаретъ.

Примѣчаніе. — Ораторъ, кромѣ знанія, какъ сочинять Рѣчи, долженъ быть опытенъ въ искусствѣ произношенія (деклама-

ціи) ихъ. — Сверхъ того приличный видъ, выразительность лица и движеніе всего тѣла должны оживлять каждое его слово.

ОТДѢЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

РАЗГОВОРЫ.

§ 120. *Разговоръ*, или *Діалогъ*, есть письменное подражаніе разговору словесному, гдѣ два, или многія лица, подъ видомъ взаимнаго изъясненія, разсуждаютъ о предметахъ важныхъ, или занимательныхъ. — Цѣль сего рода сочиненій состоитъ въ томъ, чтобъ живѣе показать образъ мыслей разговаривающихъ лицъ; въ хорошемъ Разговорѣ вы видите ихъ своими глазами, и характеръ ихъ самъ собою живописуется.

Какія сочиненія приличнѣе писать въ видѣ Разговора?

§ 121. *Форма* Разговора прилична особенно тѣмъ предметамъ, или истинамъ, въ разсужденіи коихъ могутъ существовать различныя мнѣнія, и которые требуютъ подробнаго разсмотрѣнія съ разныхъ сторонъ. — Потому-то писатель Разговора всегда имѣетъ выгоду, предъ писателемъ обыкновенныхъ Философскихъ разсужденій:

онъ можетъ показать истину изъ разныхъ точекъ зрѣнія, не нарушая единства.

§ 122. Каждое лице въ Разговорѣ должно отличаться особеннымъ характеромъ, не только въ образѣ разсказа, но въ каждомъ движеніи, въ каждомъ словѣ. — А потому всѣ рѣчи и всѣ сужденія вводимыхъ въ Разговорѣ лицъ должны быть сообразны съ ихъ характерами, а характеры сіи должны быть выдержаны въ одинакомъ видѣ съ начала до конца. — Если лица взяты изъ Исторіи; то автору ничего болѣе не остается, какъ слѣдовать свидѣтельствамъ историка, (таковы Разговоры въ *царствѣ мертвыхъ*) или мнѣнію народа, общимъ согласіемъ подтвержденному. — Весьма выгодно изображать въ Разговорѣ характеры противуположные. Характеры вводимыхъ въ Разговорѣ лицъ.

§ 123. Разговоръ письменный тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ онъ ближе къ изустному. — Естественность, непринужденность, гибкость составляютъ главнѣйшее его достоинство. — Для большей занимательности можно употреблять въ Разговорахъ острыя шутки, пристойныя пословицы, замысловатую игру словъ, а иногда даже простонародныя, но не низкія выраженія. — Счастливое обработаніе сего рода Главныя свойства слога разговорной рѣчи.

СПбГУ

сочиненій предполагаетъ въ писателѣ духъ наблюдательный, остроуміе и глубокое знаніе человѣческаго сердца, соединенное съ безцѣннымъ даромъ выражаться легко, натурально и разнообразно.

Раздѣленіе Разговоровъ.

§ 124. *Разговоръ* бываетъ *драматическій*, въ которомъ заключается дѣйствіе, или *философическій*, имѣющій цѣлію доказательство, или объясненіе какой либо теоретической, или практической истины, также изображеніе характера вымышленнаго, или историческаго. — Первое достоинство Философскихъ Разговоровъ есть важность и богатство содержанія, дабы всякой испытатель истины нашелъ въ немъ достойную себѣ пищу, и чтобъ оно достаточно было какъ для завязки, такъ и для развязки. Къ Философическимъ Разговорамъ относится *Сократическій*, въ которомъ наставникъ представляется несвѣдущимъ, и заставляетъ ученика своего, посредствомъ примѣровъ и собственныхъ заключеній, находить и объяснять истину.

Примѣчаніе. Разговоры *драматическіе* собственно относятся къ Піитикѣ, а здѣсь только упоминается о нихъ въ отношеніи къ *слогу*, которымъ они пишутся.

О Діалогикѣ и Симпосіяхъ древнихъ.

§ 125. Извѣстно, что способъ ученія у древнихъ мудрецовъ основанъ былъ на *Діа-*

логикѣ, или *Діалектикѣ*, относившейся у нихъ къ Изящнымъ искусствамъ. — Основатель Стоической секты *Зенонъ* ввелъ способъ учить посредствомъ разговоровъ; *Сократъ* же распространилъ этотъ способъ. — Ученики Сократа и другіе философы послѣдовали этому способу ученія. — Къ философскимъ Разговорамъ вдревлѣ относились *Силлосіи*, изъ коихъ до насъ дошли *Эсхиновы*, *Платоновы* и *Ксенофонтовы*. — Эсхинъ (не оратоpъ, а философъ, ученикъ Сократа) написалъ 3 философскихъ Разговора: *о добродѣтели, богатствѣ* и *смерти*, уважаемые по ясности, легкости и пользѣ. — Платонъ оставилъ 12 Разговоровъ, славныхъ *оправданіемъ Сократа*; его же *Республика* писана въ видѣ Разговора. — *Лукіанъ* былъ изобрѣтателемъ Разговоровъ между *богами и въ царствѣ мертвыхъ*. — Разговоры между богами остались у насъ въ *Прологахъ*. — Изъ Римскихъ авторовъ *Цицеронъ* писалъ въ видѣ Разговоровъ разсужденія о философскихъ предметахъ: — 3 книги *de oratore*, *къ брату Квинту*, *de inventione et partitione oratoria*. — Въ позднѣйшее время богословскіе предметы излагали въ видѣ Разговоровъ (бесѣдъ).

Греческіе и Римскіе писатели Разговоровъ.

§ 126. На Русскомъ языкѣ писали Разговоры: Митрополитъ Филаретъ — *между*

Русскіе сочинители Разговоровъ.

СПбГУ

испытующимъ и увѣреннымъ, Митрополитъ Евгеній — *о древностяхъ Новагорода*, Шишковъ *Разговоры о словесности*, а Карамзинъ Разговоръ Философскій *о счастіи*. — Изъ драматическихъ нашихъ авторовъ, писавшихъ прозою, достойны отличнаго вниманія Фонъ-Визинъ и Крыловъ. М. Н. Муравьевъ, подобно Фонтенелю, писалъ замѣчательные Разговоры *въ царствѣ мертвыхъ*. — Булгарина *нравоописательные Разговоры* отличаются вѣрностію мыслей.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

ПИСЬМА.

§ 127. *Письмо* (*) есть разговоръ одного лица съ другимъ отсутствующимъ; оно замѣняетъ недостатокъ словесной рѣчи, и имѣетъ цѣлію сообщать другимъ свои мысли и чувствованія въ надлежащей связи и порядкѣ. — Всѣ правила для Писемъ основываются на языкѣ и тонѣ словеснаго обращенія въ различныхъ случаяхъ жизни.

Принадлежности и тонъ хорошихъ писемъ и способность писать ихъ.

§ 128. Существенное *свойство* хорошаго письма есть легкое, простое, благородное и

(*) Основныя правила сочиненія Писемъ показаны въ общей Риторикѣ.

безъискусственное изъясненіе нашихъ мыслей. — *Способность* писать хорошо письма пріобрѣтается точнымъ подражаніемъ языку общественному, употребляемому въ образованномъ обращеніи. Письма измѣняютъ свой *тонъ*, сообразно намѣренію и содержанію ихъ, сообразно состоянію нашихъ чувствованій, характеру и званію тѣхъ лицъ, къ которымъ мы пишемъ, и отношенію, какое между нами находится.

§ 129. Такъ какъ письменное изъясненіе нашихъ мыслей требуетъ, или, по крайней мѣрѣ, предполагаетъ болѣе труда, болѣе размышленій, нежели словесное; то письма не во всемъ должны слѣдовать языку разговорному. — Они избѣгаютъ слишкомъ обыкновеннаго, небрежнаго способа выражаться, — и должны быть разборчивѣе въ расположеніи словъ и размѣщеніи мыслей. — Между письмомъ и разговоромъ находится еще та разность, что дѣйствіе письма, читаемаго съ бо́льшимъ вниманіемъ, гораздо прочнѣе, разговоръ же получаетъ болѣе выразительности отъ голоса, которымъ произносится, и отъ сопровождающихъ его тѣлодвиженій.

Различіе между рѣчью письменною и разговорною.

§ 130. *Слогъ* письма зависитъ отъ его содержанія; въ этомъ отношеніи нельзя предписать общихъ правилъ, — должно толь-

Слогъ, приличный письмамъ и пра-

вила расположенія ихъ.

ко всячески избѣгать высокопарности и надутости выраженій; простота, ясность и точность лучше всѣхъ украшеній. — Хорошія письма требуютъ конечно предварительнаго размышленія; но въ *расположеніи* ихъ менѣе держатся правилъ, нежели въ прочихъ прозаическихъ сочиненіяхъ.

Примѣчаніе. Иногда письму дается видъ дидактическаго стихотворенія, извѣстнаго въ Піитикѣ подъ именемъ *Посланія*, или *Епистолы.*

Раздѣленіе писемъ.

§ 131. Письма можно раздѣлить *по предметамъ общежитія* и *литературныя.* — Первыя суть рѣчи, обращаемыя къ отсутствующимъ въ разныхъ обстоятельствахъ жизни общественной; послѣднія суть повѣствованія, описанія, или разсужденія, имѣющія только наружную форму письма.

Содержаніе общежитейскихъ писемъ.

§ 132. Содержаніе писемъ *общежитейскихъ* бываетъ столь же многоразлично, сколь многоразличны могутъ быть намѣренія и отношенія между лицами, ведущими переписку. — Иногда мы увѣдомляемъ другаго о какомъ либо случаѣ жизни; иногда изъявляемъ ему привѣтствіе, или благодарность; иногда предметомъ писемъ бываютъ шутка, остроуміе, веселость, или простая только учтивость. — Часто ведемъ переписку по отправляемой нами дол-

жности, или по родственнымъ и дружескимъ связямъ. — Въ письмахъ, относящихся къ должности нашей, требуется особенная основательность въ мысляхъ, вѣрность и исправность въ выраженіяхъ; — изъясненія же друзей дышатъ взаимною довѣренностію и сладкими чувствованіями сердецъ, преданныхъ другъ другу. — Въ письмахъ, содержащихъ просьбу, убѣжденіе, или оправданіе, какъ образъ выраженія, такъ и способъ доказательствъ должны быть сильны и прогательны.

Раздѣленіе писемъ по особамъ.

§ 133. Письма раздѣляются еще *по особамъ*, къ которымъ пишемъ, на письма *къ высшимъ, равнымъ и низшимъ*. Письма *подданныхъ къ Государямъ* предполагаютъ благоговѣніе и благодарность; что можно видѣть въ письмахъ *Плинія къ Траяну* и *Шереметева къ Петру Великому*. — Письма къ *Государямъ другой Державы* зависятъ отъ степени славы, отъ отношеній, частнаго образа мыслей и искусства пишущаго. — *Дипломатическія письма* Министровъ разныхъ Державъ требуютъ особенной убѣдительности и знанія политическихъ отношеній. — Тонъ сихъ писемъ основывается на *перевѣсѣ* одной Державы предъ другою. — Въ письмахъ къ высшимъ и рав-

нымъ наблюдаются общепринятыя *формы* (шишулованія).

Содержаніе и слогъ писемъ литературныхъ.

§ 134. *Литературныя письма* содержатъ въ себѣ описанія путешествій, разсужденія, историческія изысканія, мысли о нравственности, о наукахъ и искусствахъ, особенно говорящихъ сердцу и воображенію, и т. п. Сухая отвлеченная метода Логики получаетъ чрезъ то болѣе живости и пріятности. — Всѣ эти предметы излагаются въ письмахъ съ непринужденностію и простотою. — *Слогъ* же писемъ литературныхъ долженъ быть правильнѣе и обработаннѣе писемъ общежитейскихъ.

Древніе сочинители писемъ.

§ 135. Къ образованію хорошаго письменнаго слога въ особенности служитъ чтеніе лучшихъ древнихъ и новыхъ писателей. — Изъ Греческихъ древнихъ сочинителей писемъ извѣстны: *Исократъ*, *Платонъ*, *Аристотель*, *Димосоенъ* и *Эсхинъ*. — *Ѳемистоклу* также приписываютъ 21 письмо, и думаютъ, что они имъ были писаны во время изгнанія. — *Хіонъ Гераклійскій*, ученикъ Платоновъ, *Аристенетъ* и *Алкифронъ* упоминаются въ числѣ сочинителей писемъ. — Изъ Римлянъ писали лучшія письма: 1) *Цицеронъ*, которато извѣстны письма къ *роднымъ и друзьямъ* (ad diversos), *къ Аттику*, *къ брату Квинту*, *къ Бруту*; 2)

младшій *Плиній;* и 3) *Сенека,* котораго 124 письма заслуживаютъ вниманіе болѣе по содержанію своему, нежели по отрывистому слогу.

Письма у Французовъ.

§ 136. Въ наши времена особенно отличились искусствомъ писать письма Французы. — Слогъ живой и легкой, нѣжность чувствованій и выраженій составляютъ главныя достоинства ихъ писемъ. Особенно похваляются письма Маркизы *Севинье* къ ея дочери и многія другія.

Письма на Русскомъ языкѣ.

§ 137. На отечественномъ языкѣ мы имѣемъ: a) *письма Петра Великаго* къ Брату его Царю Іоанну Алексѣевичу, къ Патріарху Адріану съ отвѣтами, къ Шереметеву, Апраксину и другимъ лицамъ; b) письма *Екатерины II* къ Еропкину; c) письма *Шереметева* къ Петру В.; d) письма *Румянцева* къ Екатеринѣ В. и e) нравственныя письма *Тихона Епископа Воронежскаго* къ пріятелямъ. — Лучшія литературныя письма у насъ писали: 1) *Ломоносовъ*, оставившій XVI писемъ къ И. И. Шувалову; только языкъ въ нихъ устарѣлъ; 2) *Фонъ-Визинъ*, котораго *письма о Франціи къ одному вельможѣ,* отличаются остроуміемъ, но мало обработаны; 3) *Карамзинъ*, обратившій вниманіе на себя *письмами Русскаго путешественника,* которыя и донынѣ считаютъ-

ся образцами пріятнаго и легкаго слога; 4) М. Н. *Муравьевъ*, котораго письма, изд. подъ названіемъ: *Обитатель предмѣстія и Емилієвы письма*, содержатъ нравственныя истины, изложенныя съ особенною ясностію и добродушіемъ, а притомъ облечены въ столь пріятныя формы слога, что чтеніе ихъ весьма полезно для образованія и вѣрнаго направленія вкуса дѣтей; 5) *Жуковскій* и 6) *Батюшковъ* подарили насъ весьма немногими письмами, но замѣчательными по прелестному своему слогу. — *Письма Русскаго Офицера*, изд. *Ѳ. Глинкою*, любопытны какъ по слогу, такъ и по описанію походовъ 1805 — 1806 и съ 1812 — 1815 годъ. — Нѣсколько писемъ *Муравьева-Апостола* въ сатирическомъ родѣ оригинальны. — *Невзоровъ* писалъ путешествіе въ Казань, Вятку и Оренбургъ. — Путешествіе *Лубяновскаго* примѣчательно по части художествъ. — *В. Измайловъ* и *К. Шаликовъ* подражали Карамзину, въ изданныхъ ими путешествіяхъ въ полуденную Россію. — *Подарокъ товарищамъ*, или *переписка Русскихъ солдатъ*, *Г. Скобелева*, можетъ почесться первою у насъ народною книгою. — Въ ней находимъ мы истинный солдатскій разсказъ, со всѣми повѣрьями, преданіями и оригинальными выраженіями

Русскаго воина. — Сверхъ того, подъ видомъ разсказа, изложены въ эпой переписк всѣ обязанности солдата, какъ человѣка и воина. — *Письма о Богослуженіи Восточной церкви*, изданныя *Авторолъ путешествія ко Святымъ мѣстамъ*, имѣютъ содержаніемъ важный для насъ предметъ: таинственные обряды святой нашей Церкви.

ОТДѢЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

ДѢЛОВЫЯ БУМАГИ.

§ 138. *Дѣловыми бумагами* называются такія сочиненія, которыя заключаютъ въ себѣ изложеніе дѣлъ и разныя сношенія по дѣламъ собственнымъ, гражданскимъ и государственнымъ.

Различіе Дѣловыхъ бумагъ по содержанію.

§ 139. Отъ разнообразія дѣлъ гражданскихъ и государственныхъ, и дѣловыя бумаги бываютъ различны по содержанію. — Но, для избѣжанія излишнихъ подраздѣленій, здѣсь принимаются три главные разряда: 1) *Высокій* содержитъ въ себѣ сношенія Государствъ между собою, или Правительствъ съ народами и обратно; 2) *Средній* заключаетъ въ себѣ сношенія между собою важнѣйшихъ государственныхъ мѣстъ, сословій

и лицъ; и 3) *Низкій* содержитъ Дѣловыя бумаги по сношенію частныхъ лицъ между собою въ званіи гражданъ. — Всѣ эти бумаги, требующія знанія самыхъ дѣлъ, долговременной опытности, свѣдѣнія въ отечественныхъ законахъ, народныхъ обычаяхъ и пр. по слогу относятся къ прозаическимъ сочиненіямъ, а по существу дѣлъ, къ разнымъ частямъ государственныхъ познаній.

Различіе по цѣли и слогу.

§ 140. Цѣль Дѣловыхъ бумагъ дѣйствованія: на волю и чувство, или только на умъ и память читателя. — Отъ различія цѣли Дѣловыхъ бумагъ и *слогъ* ихъ бываетъ: *высокій*, *средній* и *низкій*. — У насъ съ учрежденія Министерствъ дѣловой слогъ очистился. — Въ немъ только остались нѣкоторыя технической слова, которыя отъ давняго употребленія получаютъ болѣе важности, также древнія формы, напр. въ Грамотахъ, купчихъ и пр.

Употребленіе высокаго дѣловаго слога.

§ 141. *Высокій слогъ*, требующій благозвучности, торжественности и благородства, употребляется: 1) въ важнѣйшихъ дипломатическихъ сношеніяхъ одного Государства съ другимъ; 2) въ рѣчахъ, произносимыхъ конституціонными Монархами, также въ манифестахъ, исходящихъ отъ Монарха къ народу, при объявленіи войны, или заключеніи мира и другихъ важныхъ

случаяхъ; 3) въ донесеніяхъ Монархамъ ихъ Полководцевъ и Министровъ о дѣлахъ необыкновенно важныхъ, и также въ рѣчахъ, произносимыхъ къ Монархамъ отъ лица цѣлаго народа, или какого либо цѣлаго сословія гражданъ; 4) въ частныхъ просьбахъ къ Монархамъ, гдѣ обстоятельства требуютъ особеннаго возбужденія чувствованій сострадания къ просителю.

Употребленіе средняго дѣловаго слога.

§ 142. *Среднимъ* дѣловымъ слогомъ пишутся: 1) ноты обыкновенныя, подаваемыя Министрами различныхъ Государствъ; 2) договоры мирные, союзные, наступательные, оборонительные, торговые и т. п. заключаемые между различными Государствами; 3) всѣ узаконенія; 4) просьбы, Монархамъ подаваемыя; 5) всѣ сношенія Министровъ одного и того же Государства; и 6) всѣ бумаги, подаваемыя въ высшія и среднія присутственныя мѣста, и къ начальникамъ, — равно и всѣ бумаги, исходящія отъ нихъ. Бумаги сего рода, по существу своему, весьма различны; но каждая имѣетъ утвержденную закономъ *форму*, и расположеніе ихъ слѣдуетъ предписанному порядку; напр. просьбы и жалобы пишутся *по Высочайшемъ титулѣ по пунктамъ* (т. е. отдѣльно одно доказательство отъ другаго), а въ заключеніе

просятъ Особу Монарха повелѣть сіе прошеніе въ такомъ-то Присутственномъ мѣстѣ принять и на законномъ основаніи рѣшеніе учинить.

О входящихъ и исходящихъ бумагахъ и оспающихся въ Судахъ.

§ 143. Сверхъ того дѣловыя бумаги раздѣляются: 1) на Входящія и Исходящія, и 2) оспающіяся въ Присутственныхъ мѣстахъ. — a) Подъ *Входящими* и *Исходящими Бумагами* разумѣются: 1) Предписанія, Приказы, Повелѣнія; 2) Представленія начальству; 3) Оправданія подчиненныхъ мѣстъ и лицъ; 4) Сношенія съ равными мѣстами и лицами; 5) Просьбы и жалобы, въ Присутственныя мѣста подаваемыя. — b) Бумаги, въ самихъ судахъ оспающіяся: Регистратура, Экстракты, Журналы, Протоколы, или опредѣленія.

Объясненіе словъ: Регистратура, Экстрактъ, Журналъ и Протоколъ.

§ 144. *Регистратурою* называется краткое показаніе входящей, или исходящей бумаги, вносимое по порядку въ особо заведенныя для того книги. — *Экстрактъ* есть краткое, но полное и достаточное извлеченіе изъ цѣлаго дѣла, предлагаемое суду, или начальству, для сообщенія имъ яснаго и полнаго о немъ понятія. — *Журналъ* есть повседневная записка о дѣлахъ и занятіяхъ Присутственныхъ мѣстъ. — *Протоколъ*, или опредѣленіе, есть окончательное рѣ-

шеніе суда, или другаго Присутственнаго мѣста въ какомъ либо дѣлѣ.

§ 145. *Низкій*, или *простой*, дѣловой слогъ употребляется: 1) въ низшихъ Присутственныхъ мѣстахъ и въ военныхъ канцеляріяхъ; 2) въ актахъ Правительства, съ частными людьми заключаемыхъ; 3) въ актахъ, совершенныхъ между частными людьми; и 4) въ дѣловой перепискѣ частныхъ людей. — Къ тремъ послѣднимъ родамъ принадлежатъ: Контракты, Купчія крѣпости, Вѣрющія, Закладныя, Заемныя письма и Векселя, Аттестаты и Свидѣтельства разнаго рода, росписки и т. п. Употребленіе низкаго дѣловаго слога.

§ 146. Дѣловыя письма, которыя пишутся въ третьемъ лицѣ отъ извѣстнаго имени, или отъ извѣстнаго мѣста, называются *Записками*. Эти записки весьма употребительны въ сношеніяхъ по дѣламъ собственнымъ, и по дѣламъ службы, между лицами и мѣстами; наприм. N. N. *свидѣтельствуя почтеніе А. А., проситъ его о томъ-то*; или: *Канцелярія N. N. проситъ Правленіе К. К. сообщить свѣдѣніе о такомъ-то дѣлѣ.* — Отъ этихъ простыхъ записокъ должно отличать *Докладныя записки*, требующія слога краткаго, безъ особой сжатости, и отличающагося благородною простотою. Записки.

Отличіе, такъ называемаго, слога обрядоваго отъ просшаго.

§ 147. Отъ просшаго дѣловаго слога должно отличать, такъ называемый, слогъ *обрядовой*, составившій особенный языкъ, установившійся какимъ-то приказнымъ преданіемъ и вредный по обоюдности своихъ выраженій. — Этотъ подъяческій языкъ ввелся у насъ необходимостію употреблять людей малограмотныхъ, имѣющихъ свое нарѣчіе, по темноштѣ и запутанности смысла для нихъ выгодное. — Проволочка множества дѣлъ въ нижнихъ инстанціяхъ происходитъ единственно отъ искаженія этого приказнаго слога. — Но должно надѣяться, что учрежденныя по волѣ правдолюбиваго нашего Монарха училища приказнослужительскихъ дѣтей, и обезпеченіе этого класса порядочнымъ содержаніемъ, послужатъ къ усовершенствованію служебнаго языка и въ низшихъ Присутственныхъ мѣстахъ.

Три періода, показывающіе ходъ и измѣненіе нашего дѣловаго слога.

§ 148. Въ измѣненіяхъ и ходѣ нашего дѣловаго слога можно принять три періода. Первый начинается завѣщаніемъ Владиміра Мономаха и продолжается до Петра Великаго; второй до Александра I, а третій до нашихъ временъ. — Отечественная наша Исторія открываетъ намъ вѣрные слѣды къ познанію древней дѣловой нашей Словесности, которая, нося отпечатокъ своего времени, должна составлять предметъ

СПбГУ

особеннаго нашего любопытства и изученія. — Преобразованіе Россіи, произведенное Петромъ Великимъ, имѣло вліяніе и на измѣненіе дѣловаго слога, который наполнился многими иностранными оборотами и выраженіями, по причинѣ введенія многихъ учрежденій, заимствованныхъ у другихъ народовъ. Впрочемъ особенно примѣчательныхъ памятниковъ тогдашняго письменнаго слога не осталось потому, что личное присутствіе и изустныя повелѣнія, по большей части, замѣняли постоянное обсуживаніе дѣлъ и предварительное ихъ изложеніе на бумагѣ. — Со временъ Екатерины II, при постоянномъ обсуживаніи дѣлъ и при распредѣленіи властей, слогъ Дѣловыхъ бумагъ принялъ нѣкоторый опредѣленный характеръ, хотя въ немъ и находилась смѣсь Славянскаго языка съ Русскимъ. — Сочиненіемъ Манифестовъ и другихъ дипломатическихъ бумагъ занимались тогда многіе извѣстные сановники. — Царствованіе Александра I замѣчательно по усовершенствованію слога дѣловаго и государственнаго. Въ особенности учрежденіе Министерствъ произвело важную перемѣну въ служебной Словесности: вмѣсто прежняго запутаннаго приказнаго слога, явился во всѣхъ актахъ языкъ чистый, опрятный, благо-

родный и пріятный. — Манифесты, Воззванія и Рескрипты, тогда писанные по званію Государственнаго Секретаря знаменитымъ нынѣ сановникомъ М. М. Сперанскимъ, составляютъ эпоху въ нашей дѣловой Словесности. — Многія статьи, помѣщенныя въ издававшемся тогда при Министерствѣ Внутреннихъ дѣлъ С. Петербургскомъ Журналѣ, по приличію тона, по систематическому изложенію многосложныхъ дѣлъ и по введенію нѣкоторыхъ словъ, почитавшихся тогда неприличными дѣловому слогу, могутъ быть образцовыми для посвятившихъ себя гражданской службѣ. — Но изданіе Свода Законовъ, совершенное подъ непосредственнымъ смотрѣніемъ Императора Николая I, служитъ свидѣтельствомъ того совершенства, котораго нынѣ достигъ слогъ законодательства.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

СПбГУ

СПбГУ

СПбГУ

СПбГУ